

Военные
Приключения

ПРОВОКАТОР

ВЯЧЕСЛАВ БЕЛОУСОВ

Вячеслав Павлович Белоусов
Провокатор
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17108474
Провокатор / Белоусов В.П.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7977-3

Аннотация

Их уважительно называют «следаками», и совершенно неважно, в какое время они живут и как называется организация, в которой они служат. Капитан Минин пытается понять причину самоубийства своего друга и коллеги, старший следователь Жогин расследует дело о зверском убийстве, в прошлое ведут следы преступления, которым занимается следователь по особо важным делам Зинина, разгадкой тайны золота сарматов занимается бывший «важняк» Данилов... В своей новой книге автор приподнимает завесу над деятельностью, доселе никому не известной и таинственной, так как от большинства населения она намеренно скрывалась. Он рассказывает о коллегах – друзьях и товарищах, которых уже нет с нами, и посвящает эти произведения Дню следователя, празднику, недавно утвержденному Правительством России.

Содержание

ПРОВОКАТОР	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вячеслав Белоусов

Провокатор

ПРОВОКАТОР

*Посвящается следователям правоохранительных органов,
людям, которых я знал, любил и люблю*

|

Пятьдесят второй заканчивался тревожно, тяжело, а эти последние месяцы года особенно. Словно кошки скребли душу. Как ни скрывали, а сверху, из Министерства госбезопасности, в «контору» доходили страшные слухи – вождь болен! Теперь уже по-настоящему. И безнадёжно. Жуткое предчувствие, казалось, висло в воздухе. А чего?.. Когда?.. Никто толком ни звука.

Полковник Ахапкин не выдержал, тайком умчался в командировку, хотя бы что-то... там... у соседей в Сталинграде разузнать. Там всё ближе.

И тут случилось это. У самих. Да такое! Передавали друг другу на ухо, с приыханием, как глухой глухому, не веря до конца: в «конторе» труп! Рано утром нашли. Начальник отдела майор Савелий Подымайко в собственном кабинете!.. В петле! Почему?.. Сам?.. И надо же, как назло, в отсутствии начальника! Зам, подполковник Баклей, с пистолетом в руке, чуть не стреляя, как в атаку, пронёсся туда, в кабинет. За ним оперуполномоченный капитан Минин с очумелыми глазами, пунцовский дежурный и прочий народ, кто со своими делами поторопившись, загодя пришёл. Вон он!.. На полу так и сидит, раскорячив ноги, прямо за дверью...

Минин ремень перерезал выше головы под самой дверной ручкой, чтобы петлю не потревожить и голову покойника аккуратно ему же на плечо прислонил. Вчера ещё вихрастая, сейчас она с белым лицом и синими губами, словно картонная маска, безразлично взирала на всех белёсыми зрачками.

– Глаза-то открыты! – вскрикнул истерично кто-то из женщин.

– Может, ещё жив? – вырвалось у кого-то следом совсем ни к месту.

– Какой там... – Минин ладошкой веки покойнику закрыл. – Остыл. Несколько часов, как минимум.

– Ты где был? – заорал вдруг Баклей, и его лицо краской налилось, задрожал весь перед капитаном с пистолетом.

– Я?

– Ты, ты! Вы же с ним вчерась весь день о чём-то калякали в кабинете. Разбириали чёртте что. Я заглядывал, забегал!..

Минин плечами пожал.

– Чего тебе трепался твой начальничек?

– Вы пистолетик-то убрали бы, Нестор Семёнович. – Минин нож сложил, в карман сунул.

– Что?

– Пальнёт – ещё жертва будет.

– Ты это брось, капитан! – снова заорал, срывааясь на высокой ноте подполковник. – Вместе пили?

– Я с обеда от него как вышел, так и не видел больше.

– И что?

– А обсуждали-то?.. Он про пацанву ту... деревенскую делился. Которыми ему Ахапкин поручил заниматься.

– И всё?

– Вы про это?.. – Минин демонстративно помахал рукой у самых губ покойника, потом лениво приподнялся, чуть ли не в лицо подполковнику сам выдохнул от всей души. – Обижаете, Нестор Семёнович.

– Тогда чего же? – смутился Баклей, стушевался от дерзкого оборота.

– Осмотр надо организовать. Протокол. И медиков вызвать, – полез за папиросками Минин.

– Занимайся, – подполковник только теперь про пистолет в руке вспомнил, повертел его, как вещь инородную, выматерился, в кобуру сунул. – Чтоб всё по форме. Я пойду в Сталинград звонить.

И, ссугулившись, развернулся, заспешил, заторопился к себе на верхний этаж. На ходу уже бросил через плечо:

– Помощь нужна?

– А вот, Петрович, если что, – кивнул Минин на дежурного и уже собравшимся хмуро бросил: – Расходились бы, товарищи.

Часа через два тело увезли. И весь день в коридорах никого. Жались по кабинетам. В «конторе» как вымерло. А ночью собирались на отшибе у оперуполномоченного капитана госбезопасности Минина. Здесь, на окраине города, пусто, собака какая забрещет, за версту слыхать. Хозяин в доме один-одинёшенька, своих склонил давно, но обычай, справляется, в комнатах чисто, а по углам темно, кто туда полезет.

Трое за столом как раз и уместились. Сам хозяин и два лейтенанта: щупленький очкарик Кvasницкий и здоровяк Жмотов. Все в форме, при наградах, у кого имелись, – как положено. Едва огляделись, усевшись, здоровяк вздрогнул: из верхнего угла, прожигая насквозь, подозрительно следили чёрные глаза с бледного лица.

– Икона, – поёжился Минин. – Самому каждый раз не по себе. От прежних жильцов ешё. Всё снять надо, а некогда. Прибежишь переспать и забываешь.

Керосиновая лампа то и дело коптила, метался жалкий язычок пламени, потому как не сиделось то одному, то другому. Всё вскакивали, дёргались по пустякам: то для закуси харч забыли выложить, то за стаканами, хотя и уселись уже. А там у Минина самого вдруг сомнения – и темень чёртова за окном, а кургузая занавеска всё же не закрывала, не прятала свет, и с улицы брёх собачий по ушам бьёт, да ещё муха проклятущая. Откуда?.. Зимой!.. Уже передохли все или уснули, а эта допекла занудным противным жужжанием, а главное – отчаянными бросками на стекло.

Минин всё же не усидел, вскочил, скрипнув протезом, к дверям в прихожку побежал, опять ему мерещилось.

– Да пришибёшь ты её? – взвизгнул лейтенант Кvasницкий. – Все жилы вытянула.

– А то, – расстегнув китель и опустившись для удобства на корточки к низкому подоконнику, полез корявыми огромными ручищами Жмотов за занавеску.

И муха смолкла.

– Ну вот.

– А то, – Жмотов поднял лапу для обозрения, на лапице виднелось алое свежее пятнышко. – Глянь, кровь. Она же, как комар, нашу кровушку попивала.

– Все они твари! – выругался с порога Минин и уже готов был подтолкнуть локтем Кvasницкого. – Ты что же, писака, долго будешь мурлыжить? Привык протоколы по две недели рисовать.

— Вот, — гладенький лейтенант с вылизанным пробором блеснул очками, глянул на свет последний протёртый стакан, проворно поставил его в середину стола к бутылкам водки. — Не пожалел, признаться, собственной, так сказать, вещи.

Он аккуратно сложил и спрятал за китель на груди батистовый с вышитым в углу вензельком платочек:

— А то не будешь знать, из-за чего умер. Мухи у тебя здесь, Степаныч, бациллы...

— А мы и так не будем знать, — зло хмыкнул и опустил голову капитан Минин. — Найдут с пулей в башке или с петлёй на шее, как Михеича.

— Типун тебе!..

— Ладно, — огрызнулся Минин и нырнул к столу. — А то к утру не начнём.

Был хозяин заметно на взводе, но терпимо, сутился, не похожий на себя:

— Давайте за него! Помянем бойца невидимого фронта майора госбезопасности Савелия Михеича Подымайко.

Они вытянулись, сверкнули погонами, щупленький Квасницкий даже каблуками сапог щёлкнул, по привычке качнулись друг к другу чокнуться, но опер вовремя пальцы между стаканами растопырил, глянул на обоих свирепо и опрокинул свой. С опозданием заспешили и те. Сели и молча сосредоточенно зажевали, а Минин уже дымил папироской.

— Чего торопишься, Степаныч? — Жмотов пожал плечами, шутя захотел потеснить капитана, но не удалось, тот и меньше ростом, и в талии тоньше, а кряжист; ноги словно вросли в пол, лишь слегка качнулся на ту, где протез.

— Сегодня не пахать, — поддакнул Квасницкий.

— Да я хоть выслюсь. Сколь ночей уж на ногах. — Минин сунулся опять к окну, но быстро к столу вернулся, разлил всем по стаканам. — Давай, чтоб ему там... чтоб он там... В общем, чтоб попал куда надо и...

Он не договорил, махнул рукой, опрокинул водку в себя.

— Э-э-э, нет, Степаныч, — хмыкнул Квасницкий, не коснувшись своего стакана, полез за платочком очки запотевшие протирать.

И Жмотов, на него глядя, замер, не донёс водку до рта.

— Не попадёт душа самоубийцы по назначению, — криво посмеивался лейтенант.

— Это чего же? — дёрнулся Минин. — Неча брехать! Куда ей ещё надо? В землю все ляжем. И Михеича завтра закопаем.

— Я понял, ты про что, — ехидно хихикал тот. — Ты про это.

И он глаз прищурил, а второй вверх закатил и палец большой для пущей верности туда же задрал:

— Нас, матерьалистов, признаться, там не привечают-с.

Ломая комедию, Квасницкий и речь исказил, и в пояс поклонился.

— Ну, запел ахинею, — махнул на него рукой Минин и едва не сплюнул с досады. — А вы что ж? Всеръёз?.. Не выпили?

— Я же сказал, за это не пьём, — и дурачился, и нет лейтенант, не разобрать, а глаза его уже стыли, наливались отчуждением, и очки он на место водрузил, переменившись весь, одно слово — змея очковая!

— А я выпью! — отвёл лицо от этих змеиных глазок Минин. — Я выпью!

И он всклепь налил себе водки, стакан вверх вскинул демонстративно на уровень лба, слегка качнувшись, гаркнул, как в строю рапортуя:

— Орденоносец, герой — разведчик Смерша Савелий Подымайко заслужил такой почести, чтобы за него выпили посмертно!

В полной тишине, медленно и не отрываясь как сладостный напиток, осушил он стакан, вытер губы тыльной стороной ладони так, что зубы скрипнули и, глядя на притихших, погладил на своей груди тёмно-красную звёздочку с красногвардейцем в сером кружочке:

– Вы – шибздики, чтобы с ним равняться! У него таких две. Знаете, где и кем дадены?

– Степаныч, ну что ты? – в лице изменившись, поднялся со стаканом Жмотов. – Не подумай чего. Михеич – герой. Кто же против?

– Эх, вы! – Минин задыхался от ярости, водка ударила ему в лицо, оно полыхало, глаза сверкали. – Специалисты! Один с кулачищами – забойщик признания выколачивать, второй – мастер протоколы строчить! Куда вам до него! Матьяристы хреновы!

– Степаныч! Да что ты в самом деле? – Жмотов, успокаивая, попытался обнять капитана.

– Сесть! – заорал на него тот, совсем хмелев и расходясь, сбросил руку с плеч. – Ну-ка пlesни мне. Давай за нашу боевую краснознамённую! И за великого товарища Сталина!

Как волной подбросило из-за стола и Квасницкого, выпили втроём разом как один, Минин тяжело опустился на табуретку, всхлипнул вдруг для всех неожиданно, полез за новой папироской. Оба стояли над ним, виновато молчали, ждали, не осмеливаясь сесть.

– Натворил Михеич бед, чего уж там, – наконец выговорил капитан и влажные глаза растёр ладонью. – Теперь что ж... Тepерь затасывают.

– Да, – участливо подхватил Жмотов и полез ручищами по столу за консервной банкой тушёнки, раздвигая и опрокидывая посуду. – Ты, Степаныч, сегодня весь как на ножах.

– Ты б его знал, как я... – горько покачал тот головой.

– Первый раз, что ли? – пожал плечами Жмотов, уронил на пол ложку, нагнулся, чертыхаясь, зашарил в темноте под ногами.

– Мы с ним столько хлебнули... И там, в окопах, и здесь уж, – бормотал своё Минин. – Не списали нас только из-за них... боевые заслуги. Я вот с протезом, а у него лёгкие – не в то место, не в кавалерию. Насквозь пропущенные... Эх! Но, значит, нужны ещё были! Без нас-то вам, молодым, куда?..

Жмотов выпрямился, так и не отыскав ложки, посмотрел замутившимися глазами на капитана, ухватил всё же банку со стола, начал старательно зачищать дно коркой хлеба.

– Ну пришлют... ну проверят, – загудел он своё.

– Через два дня будут-с, – совсем трезвым голосом вставил, будто невзначай Квасницкий и пробор свой поправил, легонько пальчиком к голове прикоснувшись.

– Кто будет? – застыл с открытым ртом Минин.

– Проверяющие.

– Тебе откуда известно? – Жмотов и жевать перестал.

– Ты, Жмотов, вопросы свои для врагов народа побереги.

– Да ладно тебе, Игорёк.

– Не надо, не надо со мной таким тоном.

– Ответь, раз спросили, – набычился Минин на лейтенанта.

– Похорон завтра не ждите, – поморщился Квасницкий и опять своим пробором заинтересовался. – С проверяющими к нам едет их медик. Экспертизу они свою будут проводить.

II

Каким бы пьяным ни казался Жмотов, а на ногах держался крепко и соображал ещё прилично; только оказались они вдвоём на улице, он ткнул товарища в бок локтем и упрекнул с сожалением:

– Надо было тебе выскакивать, Игорёк? И не посидели толком. Водки-то сколько на столе осталось. Степаныч не пожалел, вон поляну какую накрыл по приятелю.

– Тебе б только нажраться.

– А тебе к Наталье Львовне небось загорелось. Соскучился, кавалер, или спешишь, пока папашки нет?

– Небось! – зло передразнил Квасницкий. – Завидки берут? Никак не заживут твои душевые раны, ревнивый воздыхатель?

– А мне чего? – физиономия Жмотова расплылась в довольной гримасе. – Наталья Львовна, конечно, девица видная и партия была бы приличная у нас.

Он рассмеялся совсем дружелюбно и похлопал Квасницкого по плечу:

– Но сейчас ситуация не хуже, без пяти минут она невеста моего лучшего друга, а? И так, и эдак я не в накладе. У меня, Игорёк, честное слово, ни зависти, ни обид. К весне свадебку сыграем, да погуляем от души, а?

– Вот, вот. Тебе бы только гулять.

– А что не так? Ты уж не назад ли пятками?

– Помолчал бы лучше.

– А что?

– Совсем ничего не соображаешь?

– Ну разъясни, друг желанный.

– А-а-а, что с тебя взять! Правильно Минин подметил: тебе только кулаками махать.

– Нет, ты всё-таки ответь, как насчёт свадьбы? Это факт существенный.

– Погуляем, если с проверяющими повезёт. Понял теперь? – Квасницкий остановился, задумался, по его виду было заметно, что он не разделял беспечного веселья приятеля. – Ты, конечно, завалившись сейчас спать?

– А то.

– Ну а я заверну заглянуть.

– Не поздно?

– Обещал. И трамвай ещё, слышу, вон громыхает.

– А может, вместе? – Жмотов уловил неуверенные нотки в голосе товарища. – Ещё набегаешься. А у меня найдётся в заначке грамм сто, а?

– Знаю я твои сто грамм, – Квасницкий поморщился и круто развернулся. – Заодно выясню, не возвратился ли Лев Исаевич. Некстати шеф задержался в Сталинграде.

И он сухо распрощался, пожав приятелю руку. Подходил явно припозднившийся, как и они, трамвай, издалека отчаянно громыхая на рельсах в ночной тишине. Квасницкий упруго прыгнул в вагон и, устроившись на последнем сиденье задней площадки, решил подремать. Уже привалившись поудобнее плечом к стенке вагона и надвигая фуражку на глаза, он по привычке окинул взглядом редких пассажиров и готов был отвернуться к окну, как что-то его насторожило. Он взгляделся внимательней в сидящего на передней площадке мужчину и едва не вскочил на ноги от удивления – это был Минин! Но каков!.. Оперуполномоченного не узнать. Вместо форменной одежды на нём висла дряхлая тёмная мишуря: пожухлая фуфайка с ободранными рукавами, с выступающей местами грязной ватой и допотопная кепка со сломанным козырьком, закрывающим пол-лица.

«Что за маскарад! – поразился Квасницкий. – И куда он спешит, на ночь глядя? С другой остановки в трамвай сел, значит, чтобы с нами не встретиться?..»

Перед их уходом капитан собирался ложиться спать, к тому же он и выпил изрядно, хотя теперь по его поведению не было заметно. Насторожившись, Квасницкий не спускал глаз с оперуполномоченного.

Через несколько остановок Минин задвигался, начал поглядывать в окошко, явно засобираившись выходить. Он приник к тёмному стеклу лицом и не отрывался от него почти до полной остановки трамвая, а когда вагон замер, первым рванулся к дверям. Прячась за спинами заспешивших на выход пассажиров, Квасницкий спрыгнул из вагона тоже. Он совсем не торопился, приглядываясь к знакомой фигуре, маячившей впереди. Лейтенанту очень не хотелось столкнуться с Мининым лицом к лицу. Место было приметным, у Квасницкого даже дыхание перехватило: от остановки до дома, где проживал в квартире на первом этаже

майор Подымайко, покинувший белый свет почти двое суток назад, было рукой подать, и сейчас оперуполномоченный Минин, избегая посторонних глаз и прижимаясь к стенам домов, крался в этом направлении.

«Похоже, он решил тайком проведать квартиру покойника, – замелькали мысли у лейтенанта. – Прикинулся пьяным, от нас избавился, а выставив обоих, сюда помчался. К тому же переоделся, чтобы не узнал никто...»

Между тем, подтверждая его мрачные подозрения, Минин уже добрался до подъезда приметного дома и, воровато оглянувшись, тёмной тенью скользнул внутрь. Лейтенант осторожно приблизился к подъездной двери, прижался ухом. До его слуха донеслись звуки открываемого замка.

«Ключи у него имеются, Баклей посыпал его дверь опечатывать до возвращения Ахапкина, – лихорадочно соображал Квасницкий. – Чего же ему здесь понадобилось? Что он ищет? Убийцу потянуло к жертве?...»

Предположение было нелепым, абсурдным – все знали о более чем дружеских отношениях майора Подымайко и капитана Минина.

«Но у них существовали ещё и служебные связи? – ломал голову лейтенант. – Минин ходил в подчинённых, а чёрт их знает, что там у них могло быть! На поверхности – гладь, а в глубинах акулья пасть. Оба – бывшие смершевцы, а это такая братва!.. Они же маме родной до последнего на слово не верят. Для них!.. Впрочем, – покачал он головой, – этого ничего не замечалось между ними... Но что же заставило оперуполномоченного решиться на большой риск и лезть в квартиру покойника?»

Будто в ответ на его мысли в чёрном окне первого этажа мелькнул проблеск света.

«Фонарик включил! – догадался Квасницкий. – Рыщет!»

Свет, появившийся на мгновение, больше не обнаруживался, как ни высматривал, ни таращил глаза лейтенант, спрятавшись за дерево в нескольких шагах от дома.

«Осторожен оперуполномоченный, хитёр, сукин сын, – морщился Квасницкий, – нет, больше такой оплошности он не допустит».

И действительно, чёрная тень изнутри надвинулась на стекло, дёрнулась высокая занавеска и закрыла всё окно.

«А ведь он сюда надумал идти, как услышал от меня о приезде проверяющих! – с запозданием ужаснулся Квасницкий. – Вот она причина! Лишь стоило мне сообщить об этом, как он нас со Жмотовым провожать начал. Что же его напугало? Что он ищет у покойника?...»

III

Что бы ни говорили, а в кабинете над столом начальника с чёрного портрета вождь хмурил брови и жёг глазами сироваткой и пронзительней где бы то ни было. В большом зале совещаний вроде и побольше он и повнушительней размерами, а не то; потом там не один сидишь под его очами, вокруг полно таких же суетящихся, галдящих, обрадованных редкой встречей, пока не окликнет начальство, а здесь ты один, и он со стены поедает глазищами, ну, как букашку под микроскопом! Каждый раз, как Минин оказывался на этом стуле под этим портретом, так робел до противной потливости, как мальчишка нашкодивший, и хотя не совершил ничего особого, а уже чувствовал себя виноватым, и «форменка» под кителем мокрела на спине и подмышками так, что запах поганый носом чуялся, хоть провались.

– Значит, всех опросил, кто с ним последнее время виделся, и ничего? – постукивал костяшками пальцев по крышке стола полковник Ахапкин.

– Так точно! – вскочил на ноги Минин.

– Сиди, сиди, – хмурился полковник и зло повторил в раздумье: – И никаких толков... Исследований медицинских по трупу не назначали?

– Никак нет. Ждём ваших распоряжений. Сегодня намеревались.

– Не будем спешить. Надо полнее материал собрать. Полнее... Налицо, говоришь, свидетельства?

– Так точно. Свой же брючный ремень использовал майор Подымайко. Непонятно только, зачем же смерть принимать лицом к окну и на входной двери? Еле-еле отворила уборщица, когда убраться пришла. Она на помощь и позвала, только поздно. Он, как привалился к двери спиной, так и сидел на полу, ремень к ручке примотав. Так и...

– Чего ж тут непонятного? Лицом к свету. Последний раз чтобы белый свет увидеть... Ах, сукин сын! Ах, сволочь! – схватился за голову Ахапкин. – Чего натворил! Как подвёл!

Минин, вцепившись в сиденье стула, карябал посиневшими ногтями пальцев ставшее мягким дерево.

– Враг! Сущий враг! – цедил сквозь зубы полковник. – Вот где он себя проявил! Мне тут про пацанву расписывал сказки! Молокососы, мол, сопляки. Выпороть их и домой в деревню отправить. Покрывал врагов народа! Выкормышей, предательское семя! Вот его сущность! Не разглядел я вовремя. А ты чего молчишь? Защищать его будешь? Чего молчишь, я спрашиваю?

В дверь робко постучали.

– Занят! – рявкнул Ахапкин и, скосив глаза на Минина, заторопился: – Личный обыск проводил?

– В присутствии подполковника Баклея, товарищ начальник управления.

– И никаких записок? – Ахапкин словно буравом всверлился взглядом в Минина. – Должен он был после себя что-то оставить. Нутром чую. Неспроста всё это. Хохлом твердолобым был этот Подымайко, но так просто в петлю залезть не мог. Хотя бы и по пьяни.

– Не пахло от него.

– Как не пахло! – Ахапкин даже привстал и ладонью махнул на капитана, как на невидаль какую. – Ты чего мелешь?

– Трезв.

– Но, но! Не спеши... Вскрытие ещё не производили. Оно покажет. Ваш брат – мастера зажёвывать. Чего только в пасть не пихаете, чтоб не пахло... Да ты нюхал его, что ли?

– Товарищ полковник!..

– Хватит! Вскрытие покажет, я сказал, – и Ахапкин отмахнулся напрочь от оперуполномоченного, как от мухи. – А дома у него, значит, тоже ничего?

– Баклей Нестор Семёнович не решился туда без вас... Не вскрывали квартиру, но опечатали.

– Ну что же, это верно...

– Я лично, товарищ полковник.

– Так, так... – Ахапкину не сиделось, он ёрзal на стуле, с оперуполномоченного глаз не спускал. – Сам-то что?.. Мысли какие? Подозрения имеются? Твой же начальник?..

Минин пожал плечами.

– Ты же знал его лучше меня? Воевал с ним в Смерше.

– Воевал, – опустил глаза Минин. – Только на разных фронтах.

– Ты не откращивайся, капитан!

– Отчего же. В личном деле всё есть, – поднял светлые пронзительные глаза тот. – И дружили мы до последнего.

– Ну?

– Мужик он прямой был. Правильно вы подметили. Твёрдый. Но чтобы разговоры о собственной смерти вести... Никогда язык его не поворачивался. Песни любил горланить. Песни – да.

– Значит, повода не подавал?

Минин энергично головой отмахнулся:

– Да и не пил он особенно. Другие, бывало...

– Я про других не спрашиваю, – оборвал оперуполномоченного Ахапкин. – Дома, значит, бывал у него?

– Один он, как перст. Попугай чудной и всё.

– Чего?

– Попугай у него занятный.

– Этот ещё откуда?

– Савелия... извиняюсь, майора Подымайко, ещё как прибыл на службу, подселили на жительство к одному семейству. Оба древних стариака без детей и наследников. Ну на второй или третий год он их схоронил, а квартиру за ним так и закрепили. И птица ихняя осталась. Они, говорят, по триста лет живут. Чудной дурачок, говорить умеет и орал по ночам, когда Савелий лампу гасил. Он его из-за этого Провокатором звал.

Ахапкин в недоумении уставился на оперуполномоченного.

– Будил тот его среди ночи, только заснёт...

– Сам он провокатор! – зло взвился Ахапкин. – Провокатор и есть! Такое спровоцировать только враг народа может. Мне вон в Сталинграде, знаешь, что сказали? Я ж сюда оттуда примчался, в дом не заглянул.

В дверь опять постучали, но уже настойчивей.

– Войдите! – крикнул полковник, махнул рукой Минину, а сам полез за папироской. – Кому там не терпится?

– Мне выйти? – подскочив на ноги, вытянулся Минин.

– Подожди в приёмной. Понадобишься, – глубоко затянувшись папироской, выдохнул с удовольствием клубы дыма Ахапкин, встал из-за стола и покачал головой в тревоге. – Сегодня у нас горячий денёк будет.

В дверях Минина чуть не сшиб подполковник Баклей, рвущийся к начальству; капитан успел посторониться, прикрыл дверь и, тяжко переведя дух, уселся к стене, ничего не замечая и не подымая глаз. Напротив, запрокинув ногу на ногу, высаживал, дожидаясь своей очереди, Кvasницкий. Пытливо уставившись на капитана, он сверкал тонкой оправой очков.

IV

– Нет, что вы мне ни говор-рите, Ер-ремей Тимофеевич, – помешивал чай в мельхиоровом подстаканнике и поглядывал в тёмное стекло постукивающего на рельсах вагона Яков Самуилович Шнейдер, – а всё же чем тщательнее скр-рываетесь, тем яснее обнар-руживается.

В молодости, видно, красавец, высокий, сухой, горбоносый брюнет и теперь без единой сединки, мизинцем коснулся ровной струнки усов и повторил, заметно грассируя:

– Тем яснее обнар-руживается.

– Да, да, – соглашался, копаясь в просторной дорожной сумке, развернутой на купейной скамье, собеседник, пожилой толстячок с брюшком и обширной лысиной на макушке. – Так и оборачивается в жизни, милейший Яков Самуилович. Так всё и сопровождается.

– Даже в прир-роде такой закон есть. Помните? Сохр-ранения веществ! Р-равенство...

– Я бы сказал, товарищ полковник... – встрял было толстячок.

– Но, увы! – не замечая и не слушая, перебил его Шнейдер и грозно глянул. – Мир-р желает быть обманутым.

– Да, да... Всё именно так.

– Не р-раз я твер-рдил товар-рищу Медянникову, что тем и кончится. И что же?

– Назар Егорович, он – да, он долго запрягает.

– Пр-ринял он какие-то мер-ры?

— Ах, чтоб её! — всплеснул руками толстячок.

— Что? — уставился на него Шнейдер.

— Нашлась пропажа! — Еремей Тимофеевич, ликуя, и даже торжественно протянул ему из глубины сумки мельхиоровую чайную ложку. — К стаканчику, пожалуйста, милейший Яков Самуилович. А то, не дай бог, затерять, меня Анна Юрьевна моя... Ого-го!

Он улыбнулся, совсем засмущавшись, и ещё извинительнее добавил:

— Ахапкину симпатизирует наш Назар Егорович, Ахапкину. Я вам тоже докладывал. Помнится, они вместе воевали.

— Да бр-росьте вы! — взорвался Шнейдер, брови возмущённо поднял, но ложку принял. — Я сам давно замечал в их отношениях некую... опр-ределённую закономер-ность... А воевали? Так что же? Вр-редить делу?

И он попытался даже встать, весь в чувствах, но длинные ноги упёрлись коленками в столик, и он только скрипнул зубами.

— Есть вполне конкретные указания заместителя министра Дмитрия Михаила Дмитриевича Рюмина в отношении всех этих... бывших. Скр-рытых вр-рагов! И смер-ршевцев, кстати, это прежде всего касается.

— Да, да... Я, так сказать... — толстячок нагнулся к сумке, выхватил и завертел в руках, явно раздумывая, бутылку с приятной яркой наклейкой. — Я, так сказать, в качестве видимых... запомнившихся мотивов хотел бы довести до вашего сведения...

Он, с опаской посматривая на Шнейдера, водрузил всё же бутылку на столик, приплюсовал к ней из сумки кусок мяса домашнего приготовления и несколько бутербродов с ветчиной.

— Мотивы? — заинтересовался Шнейдер бутылкой, поднёс её к явно близоруким глазам. — Вот именно, мотивы! Какие?

Бутылка была оставлена на столе, а Шнейдер снова отвернулся к окну, всматриваясь в пролетающую темень.

— Р-раньше следовало р-развор-рошить осиное гнездо. Вон, нашему Михаилу Дмитриевичу и тр-рёх суток не понадобилось, чтобы после ар-реста главного пр-редателя Абакумова убр-рать всю вер-рхушку и заменить пол-аппар-рата в министер-стве. Я не упоминаю мелкую мр-разъ, а Ахапкин?.. Это до чего же довести положение! В стенах собственной «контор-ры» начальник отдела накладывает на себя р-руки!

— Да, да, — юркий толстячок уже и столик накрыл и в рюмочки налил ароматного напитка. — Вам, может, шоколадку, Яков Самуилович? Сейчас молодёжь предпочитает сладкое к коньячку.

— Пустое, — поднял рюмку Шнейдер. — Знаете, что я вам скажу, товар-рищ майор-р...

Толстячок даже вздрогнул от неожиданности и свою руку с рюмочкой вздёрнул.

Они выпили.

— Вот, вот, — не закусывая, закивал головой Шнейдер. — Я, знаете ли, не пр-риветствую некотор-рые новые начинания.

— Как?

— Нет. Я о др-ругом, — смерил подозрительным взглядом собеседника Шнейдер. — Шоколад, кстати, это тоже оттуда. Их мор-раль. Заокеанская. Союзнички, мать их!

— Да, да...

Они выпили ещё по рюмочке, потом ещё, растягивая удовольствие. Шнейдер, задумавшись, ушёл в себя, но не забывал время от времени прихлебывать остывающий чай. Еремей Тимофеевич норовил подсовывать ему бутерброды, но тот не притрагивался, а затем вообще достал из кармана галифе великолепную коробку и закурил «герцеговину». Он разомлел от выпитого, лицо заметно изменилось, из бледного преобразившись в розовое с красными большими пятнами — давняя причуда, удивительная для него самого и окружающих, и про-

ходившая с количеством выпитого спиртного; тогда лицо снова приобретало прежний вид, даже бледнело до синевы, когда застолье кончалось перебором. Но до этого доходило редко. С некоторых пор Яков Самуилович берёг себя, если не забывался.

Еремей Тимофеевич, наведя между тем порядок в сумке, установил её удобнее под столом, застелил скамью и накинул на плечи домашний халат, полосатый и уютный; ещё не топили, и в вагоне холодало. Шнейдер же не торопился готовиться ко сну; лениво покуривая, он только расстегнул на кителе две верхние пуговицы, наблюдая за суетящимся соседом.

— Задача у нас с вами не такая пр-ростая, как кажется на пер-вый взгляд... — вдруг заговорил он.

— Может, мне товарища Винегретова пригласить? — тут же насторожился толстячок, сел напротив, весь внимание. — И медика заодно.

— Кого?

— Эксперта. Кротова Прокопия Сергеевича. Он не любитель железных дорог. Мне когда его для нашей проверки порекомендовали, я поинтересовался. Встретился даже лично, побеседовал для профилактики. Поездка всё же необычная, — толстячок слегка усмехнулся. — Жаловался мне, что уснуть не может от стука. Знал бы он, когда нам спать удаётся.

— Сейчас он зачем? — не разобрал его чувств Шнейдер.

— Ему интересны будут ваши наставления.

— Пустое, — Шнейдер сам разлил остатки коньяка по рюмкам, толстячок легко нагнулся к сумке и тут же на столике засияла новая такая же бутылочка.

— Не спешите? — покосился в окно Шнейдер.

— А что ж? Нам ехать да ехать.

— Вы пр-правы... А вот не выходит у меня из головы этот Ахапкин. — Шнейдер опрокинул рюмку с коньяком, затянулся папироской, не закусывая, аппетитно выдохнул ароматный дым чуть ли не в лицо толстячку, глаза закрыл и откинул голову назад. — Не вписывается он в нашу схему, а?

Но собеседник отвлёкся от разговора или, решив смолчать, безмолвствовал.

Поезд ускорял бег, вагон заметно покачивало.

— А ведь Михаил Дмитриевич пр-ростым майор-ром был, подумать только... — внезапно сменил тему подполковник.

— Судьба играет человеком, — поднял брови толстячок, открывая новую бутылку и наполняя ей рюмку. — Рюмин Михаил Дмитриевич — большой интеллектуал.

— Что? Интеллектуал? — изобразил недоумение Шнейдер. — Он пр-режде всего боец! Такого госбезопасности как р-раз давно не хватало.

Толстячок как-то по-особому глянул на него и опять едва заметно усмехнулся. Ему доподлинно было известно, что бывший следователь КГБ Михаил Рюмин получил внеочередное звание полковника, должность заместителя министра госбезопасности СССР и начальника следственной части после того, как написал лично И. Сталину донос, инспирированный сверху, на бывшего министра ГБ Абакумова. Тот был вскоре арестован. Но толстячок промолчал и только опустил голову:

— Вы правы. У него особый талант. Находясь посреди реки, он не испил воды.

— Что? — напряг морщины на лбу Шнейдер, с минуту изучал лицо собеседника и довольный рассмеялся. — Да, да. Вот именно, ср-реди р-реки, ср-реди р-реки. Ха-ха!

Это прозвучало зловещим карканьем, но толстячок в этот раз не отреагировал никоим образом. Он бесстрастно жевал бутерброды и даже явно чавкал, то ли намеренно, то ли от удовольствия. Они выпили уже вместе, впервые чокнувшись, — Шнейдер сам протянул руку с рюмкой, лицо его совсем забагровело.

— Я всё помню, как сейчас, — с придыханием заговорил Шнейдер, выдохнув дым; новые мысли, захватившие его, рвались наружу. — Каким великим казался тот гор-рдец Абаку-

мов! Как он обставил себя этими ср-раными контр-разведчиками, словно Цезар-рь пр-реторианцами! Он готов был плюнуть в лицо самому Лавр-рентиу Палычу Берии! Помните, как зимой сор-рок пятого Абакумов примчался в Бер-рлин?

Толстячок ничего не ответил, но заметно напрягся, ловя каждое слово.

— А я был там, — Шнейдер даже прихлопнул по столу так, что звякнула ложка в стакане. — Он пр-римчался ар-рестовывать мар-ршала Жукова! Главнокомандующего нашими оккупационными войсками в Гер-рмании заподозр-рил в кр-рахобор-стве!.. Слышали?.. Ар-рестовал боевых генер-ралов... Кр-рюкова... за поганое тр-рофейное имущество... Но потом! Что стало с ним потом!.. Стр-рашная жар-ра июля пр-рошлого года!.. Четвёр-ртого числа Абакумов отстр-ранён от должности, а двенадцатого июля уже в Матр-росской Тишине.

Он смолк, пробежал по столику глазами, схватил рюмку с коньяком и опрокинул в себя, далеко откинув голову. Потом огляделся помутневшим взором и, уставившись на молчавшего товарища, то ли сказал, то ли спросил:

— Сейчас в Лефор-ртово?

— В Бутырке, — поднял наконец голову тот и, встретив взгляд, не отвёл своих глаз, выговорил медленно, со значением, будто и не пил ни капли: — А на Волге тоже тюрьма неплохая, скажу вам, милейший Яков Самуилович.

— Что? Тюр-рьма?

— Ещё Екатериной Второй поставлена, — продолжал толстячок. — Правда, задумывала императрица монастырь женский ставить. Нужда обозначилась, греховодниц развелось среди их бесовского отродья, но Пугачёв напугал, так что тюрьма нужнее оказалась.

— А что тюр-рьма? Тюр-рьма тоже пр-рекр-расное место для очищения душ заблудших, — ухмыльнулся Шнейдер.

— Вот и говорю.

— Так... — глубоко затянулся «герцеговиной» Шнейдер и уже не спускал глаз с собеседника. — И куда же ты гнёшь, Ер-ремей Тимофеевич?

— Там и достойные кадры можно подыскать на смену некоторых, если потребуется, — цедил сквозь зубы толстячок, опять будто не слыша вопроса. — Наши есть орлы! Мне даже в некотором роде знакомы некоторые. Вот, полюбуйтесь, чем не лихой писарь!

Он не спеша нагнулся к своей сумке под столик, достал оттуда тёмную неприметную папочку, развязал тесёмки и поднёс к глазам стопку листов. Шнейдер, с любопытством взирая на его действия, налил себе рюмку коньяка, выпил и закурил новую папироску. Вывернув ноги из-за неудобного столика, он с облегчением закинул одну на другую и приготовился к представлению.

— Минутку... — перебирая листки, толстячок шевелил губами. — Вот! Я полагаю, вы догадаетесь, что сие перлы из протокола допроса арестованного врага. Итак, читаю: «Я это не апробировал, мотивируя риском провала и потерей возможности вести завуалированную контрреволюционную работу внутри Всероссийской коммунистической партии большевиков!..» А? Каков выверт! Каков стиль! Каков сукин сын!

Шнейдер криво ухмыльнулся.

— Нет! Вы только вкусите! Какая интрига для дальнейшей разработки врага и как закручено: «риском провала и потерей возможности вести завуалированную контрреволюционную работу!..

— Тр-рафар-рет, — покривился Шнейдер и цыкнул сквозь зубы презрительно. — Похоже, что автор-р списывал ещё с бумаг из дел двадцатых годов. Учебный матер-риал! У нас этих писар-рей да забойщиков р-развелось!.. Не хуже меня знаете.

Майор, конечно, знал, что в следственном аппарате Министерства госбезопасности процветают два типа следователей: «забойщики» и «писари». Нормативные материалы поз-

воляли применение физического воздействия на врагов народа, поэтому следователи специализировались, строя тактику допроса, один мастерски избивал, выбивая нужные показания, второй лихо и хитро записывал. И то, и другое требовалось делать умело. Кроме того, существует так называемая «французская борьба» – метод оформления протокола допроса подозреваемого, когда по шаблону делается следующее: сперва арестованный будто всё отрицал, заявляя, что не виновен, а затем, прозрев под воздействием следователя и раскаявшись в содеянном, шёл на полное и безоговорочное признание. Протоколы при этом представляют собой яркий образец поточно-конвейерного штампования, но в нареканиях он не нуждается, наоборот. Поэтому толстячок лишь слегка улыбнулся на реплику подполковника.

– Не скажите, милейший Яков Самуилович, не скажите, за неимением времени, я бы и большее вам изобразил, – толстячок пожевал губы, полистал бумаги. – Перед нами явный талант! Он и в тактике силён, и стратегия в допросах просматривается, переплюнет наших во французской борьбе.

– Ну, ну, – махнул рукой Шнейдер, – по бумажкам-то выводы делать?

– А я вам его представлю, как приедем, – улыбнулся толстячок. – Дожидается нас, готовится.

– Похвально, похвально. Узнаю ваши методы, Ер-ремей Тимофеевич, – Шнейдер сделал приглашающий жест к рюмкам. – Вы, как обычно, наступление не начинаете, не подготовив плацдар-рм.

– Мы что, мы в штабе… исполняем приказы, – скромно заблестел замасливавшимися глазками толстячок и потянулся к рюмке.

V

Вот так этот день начинался – нервами, беготней, руганью; об этом Минин догадывался, а вот где и чем закончится, подумать боялся. «Первые, самые главные часы миновали, всё вроде развивалось пока терпимо, а там видно будет», – размышлял он, не поднимая головы и наблюдая из-под бровей за ёрзающим напротив лейтенантом Квасницким. Тот по-прежнему не спускал с него подозрительных глаз. Или ему уже мерещилось?

– Как вчера добрались? – помня старое правило, решил начать он первым и даже изобразил участливую улыбку.

Квасницкий только хитро подмигнул в ответ.

– Курить нет? – не отставал Минин.

– Я же не курю, Артём Степанович. Голова бо-бо?

– Сплошное паскудство. Я там чего не так?

– Молодцом. Вы же спать легли.

«Чего это он вдруг на “вы”?» – отметил про себя Минин, а вслух, покосившись на дверь, шепнул:

– И не говори. Себя не помню. Вроде пошумели?

– Что вы! Жмотов немного… мууху у вас пришиб, – хмыкнул Квасницкий, – и весь скандал.

– Вот, вот. Я что-то припоминаю, – Минин поднялся, похлопывая себя по карманам галифе в надежде на завалившуюся папироску, отодвинулся подальше от двери и вовремя, так как она с шумом распахнулась, и в приёмную вылетел взлохмаченный Баклей, лицо которого больше напоминало раскалённый утюг с пылающими вместо глаз угольками.

– Заседаете? – с разгону рявкнул он на обоих вытянувшихся перед ним. – Капитан Минин, ты-то что тут штаны дырявишь?

– Я… – не успел рта открыть тот.

– Давай за мной! А вы, лейтенант Квасницкий?.. – уже из коридора донёсся его бас, но услышать пожелания заместителя начальника управления лейтенанту не довелось, так как дверь прикрылась, и за ней исчезли и говоривший, и оперуполномоченный.

– Тебе заниматься нечем, Степаныч? – не оборачиваясь, уже принял за капитана Баклей. – Нам же ехать. Ты готов?

– Но полковник Ахапкин приказал ждать.

– Полдня высиживаем. Не понимаю ничего. Там труп пропадает, а мы чего-то дожидаемся.

– Но...

– Когда они теперь прикатят, эти проверяющие? Об этом кто-нибудь задумывался? Мы обернулись бы сами за день ещё вчера и схоронили бы спокойно. А теперь где мне лёд добыть? Я ответственность с себя снимаю.

– Ну а формалином нельзя?

– Протухнет. К тому же уничтожим возможность дальнейших химических исследований. Тогда уж точно – не сносить нам головы.

– А льдобазы? Рыбзаводы наши на что? Там этого льда завались круглый год.

– Точно! – даже остановился Баклей, и лицо его прояснилось. – Ты где раньше был? Сбегай, дозвонись, выдай им команду, чтоб лёд везли в резалку. Только срочно у меня! Надежды, конечно, мало, всё ж осень на дворе, но, может, откопают они ледок.

И Баклей скрылся за дверьми своего кабинета.

– Вот так всегда, – досадуя, Минин рукой махнул. – Как же, начальство! Самому звонить – две минуты, так нет, тащись теперь вниз, обрывай телефоны.

И он поплёлся на первый этаж в дежурку.

На квартиру повесившегося они добрались спустя несколько часов. Баклей долго и нудно собирал с собой ещё кучу оперативников и криминалистов чуть ли ни со всей лаборатории, а в самом конце вспомнил и про собаку.

– Кобеля-то зачем? – совсем загрустил Минин и в сердцах выматерился. – Будильник в хате не проспиши! Я же вчерась там сам двери опечатывал. Ваша команда?

– Всё с прибаутками? – вскинулся Баклей. – Не можешь ты, Степаныч, без этого. А про кавалькаду зря. Раз требуется полная им картина, раз веры нет, я устрою парад. Слышал, они даже медика своего везут?

– Откуда нам знать? – пыхтел Минин у двери, отдирая сургучные наклейки. – У начальства на всё своё мнение. Пускайте собаку.

И он отворил дверь, пропуская всех. За овчаркой и Баклеем ввалилась почти вся оперативная группа, оттеснив кинолога, молоденького зазевавшегося мальчишку. Минин взглянул в его потное растерянное лицо и, успокаивая, попридержал рукой:

– Не дрейфь. Баклей справится. Впервой на такое?

– Выезжал два раза, – затараторил тот, – на кражи. Но чтоб на убийство!..

– А здесь и того нет. Труп-то в морге давно, да и тут никого не было, – Минин оглядел комнату, задержал взгляд в углу на орущей перепуганной птице. – Попугай вроде жив. Давай-ка лучше закурим, Николай.

И они закурили тут же, лишь переступив порог.

VI

Собака, побродив по углам и обляв попугая, поджала хвост и спряталась за Минина, поближе к кинологу.

– Ну что же? Работать, работать! – покричал, попугал её подполковник, но та лишь ближе сунулась к оперуполномоченному, в самые его сапоги.

– Во, зверюга! – брякнул Минин. – Чему их учат?

– А вам особой команды? – рявкнул Баклей и протянул к капитану руку за папироской. – Не могут без кнута!

– Я у Николая стрельнул, – подтолкнул локтем Минин совсем заробевшего кинолога, но тот пришёл в себя и мигом распахнул перед подполковником весь портсигар.

– Что со льдом? – хмуриясь ещё, но уже миролюбиво затянулся папироской Баклей. – Везде одно и то же. Эх, работнички, мать вашу!..

– Думаю, уже завезли, – щёлкнул каблуками сапог Минин, заодно шуганув и собаку. – Давай, бобик, давай!

– Черчиллем её! – подал голос кинолог.

– Чего? – рявкнул Баклей.

– Черчиллем её кличут! – вытянулся в струнку парнишка, заалев тюльпаном. – Породистая сука, медалистка.

– Что за бред? – поморщился подполковник. – И здесь всё шиворот-навыворот. Сука с кличкой премьера! Это как?

Не сдержался, хмыкнул и Минин, поглядывая на замначальника управления; хороший мужик Баклей Нестор Семёнович, героическая, можно сказать, личность, вроде как Котовский Григорий Иванович из кинофильма, Пархоменко или Кочубей, попал в органы ещё в конце Гражданской войны с партийной службы, а в оперативной работе, в сыске, как тогда, так и сейчас ни черта не смыслит.

– Чего искать велено? – спросил Минин и собаку погладил, та, будто домашняя, так к нему и липла.

– То же, что и вчера, – с полуслова понял оперуполномоченного Баклей, смяв папироску, не докурив, он не выносил новомодный «Прибой». – Нет ничего другого? Чёрт-те что выпускают! Уж лучше махорку.

– Да вы мне и до магазина добежать не дали, – пожаловался Минин. – Полчаса насчёт льда дозванивался, полчаса ответственного искали, полчаса объяснял что почём.

– Разболтались после войны! – прорвало и Баклея. – Быстро хорошее забывается. Куда катимся?

– Вчерась вроде я всё сам на умершем сыскал, – осторожно напомнил о своём Минин и полез за пазуху, вытащил сложенный несколько раз лист, аккуратно развернул, пригладил. – Если что-нибудь подобное, то зря тут копать. Михеич не любитель был до писем.

– Это что у тебя? – выхватил у него бумагу Баклей, но и взглянуть не стал. – Вчера什няя записка? Это ж нам как мёртвому припарка!

– Ну… припарка не припарка, – затянул Минин, мрачнея, – а последняя воля умершего, последние, так сказать, слова. Больше всё равно ничего нет.

– Это, может быть, тебе послание! – Баклей даже руками запорошил, весь взвился. – С того света!

– Почему с того? – буркнул Минин. – Жив был, когда писал.

– Ну читай десятый раз, если забыл. Я наизусть вызубрил: «Всем прощевайте, горя не знайте, птицу Степанычу отдайте. Мыл чтоб клетку, не то вернусь, с небес спущусь и сам всем распоряжусь…» Весельчак у тебя дружок был! Стихоплёт сортирный.

– Ну уж, – смущался Минин, бумагой завладел и за пазухой осторожно склонил. – Но ещё чего другого от него ждать зря и лазать здесь гурьбой этой лишнее, в чужом добре шнырять. Михеич ничего два раза не делал.

– И ты, я вижу, для себя всё решил? Выводы сделал? – задёргался Баклей.

— Чего ж возню раздувать? С вами же вчера съездили обговорили. Или в другую сторону вас разрулили? Записку Михеич оставил. У него её нашли. Чего ещё?

— Чего мелешь? В какую ещё другую сторону? Капитан Минин! Приказано, вот и исполняйте!

— Есть, — отвернулся в угол к попугаю тот.

— И чего ты записку эту с собой таскаешь? — совсем раскричался Баклей. — Почему начальнику управления не сдал? Это ж вещдок?

— Им и приказано, — поморщился Минин. — Поручено почерковеду показать. Чтоб всё, как положено.

— Не верит твоему дружку Ахапкин?

— Почему не верит? С чего вы взяли?

— Испортят записку, — будто пары спустил, утих подполковник. — Они ж, эксперты, начнут чертить, мараковать. Им только дай волю.

— Попрошу, чтоб не очень.

— Ты уж лучше здесь поусердствуй, — Баклей обвёл взглядом комнатёнку. — У него две таких?

Минин лишь кивнул.

— Жил в двухкомнатной, горя не знал.

— Хозяева раньше померли, — не разделял настроения подполковника Минин.

— Есть где развернуться, — продолжал тот, не особенно заботясь. — Что же, так он сразу в петлю и полез ни с того ни с сего? Оставил бы после себя какие-нибудь серьёзные записи. А то сочинил стишкы!.. Баба-то была у него?

Минин к собаке нагнулся, пощекотал её за ухом.

— Искать надо усерднее, а не трепаться, — Баклей опять руками замахал.

Собака тявкнула в такт взмаху руки подполковника, но, не угоджая ему, а на попугая, который заметно требовал внимания; пообыкнув, он орал уже не обморочно и безнадёжно, а вполне разумно и заискивающе.

— Жрать просит Провокатор, — направился к клетке Минин.

— Кто, кто? — удивился Баклей, и оперуполномоченный терпеливо начал рассказывать ему историю брошенной птицы, заодно зачерпнув кружкой воды из кастрюли на плите.

Как и предсказывал Минин, проваландались они безрезультаатно до самого вечера. Покойник не только не любил что-нибудь писать при жизни, у него и книжек не нашлось, правда, балалайка на стене висела над кроватью в спальне, но и она без струн. В углах захламляли комнаты разобранные части от разной технической аппаратуры, преимущественно автомобильного назначения, а из-под кровати общими усилиями был извлечён на белый свет разобранный трофейный мотоцикл без колёс и бензобака, по поводу которого Минин с тоской заметил:

— Он всё кумекал собрать и в свои края, под Харьков, укатить. Под отпуск всё рассчитывал.

Баклей только руки развёл.

— На барахолке этот драндулет года два назад ему загнал какой-то цыган, — бубнил своё Минин и на клетку кивнул. — И этого... пернатого в Харьков хотел свезти... выпустить. Там тепло, а здесь боялся, кошки сожрут.

VII

Едва он притронулся, дверь отворилась сама собой без каких-либо намёков на запоры и условности. «Хорошая примета, – подумал Квасницкий и замер, прислушиваясь. – Прохора днём застать большая удача. Давай, госпожа, сопутствуй и далее».

И он шагнул за порог.

Пустая светлая комната с распахнутой форточкой в распростёртом во всю стену великолепном окне являли откровенные признаки широкой натуры и бескорыстного гостеприимства отсутствующих хозяев. Однако от туалетного уголка, который лейтенант сразу не заметил, до него донеслось то, что принято называть не просто ключом, а завидным фонтаном жизни. Голая могучая спина Жмотова, пылая жаром, заслоняла почти всё зеркало и умывальник, а из-за неё вместе с бурным фырканьем и плеском воды в коридор прорывалось пение, напоминающее то ли залихватскую частушку, то ли хулиганский марш.

Квасницкий навострил уши и различил:

– Плюнь в глаза тому, кто обличает
Нас с тобою в пьянстве и разврате —
Тот или дурак, или не знает,
Что такая женщина в кровати.
Будет ещё небо голубое,
Будут ещё в парке карусели.
Это ничего, что мы с тобою
До сих пор жениться не успели...

Последние слова повторялись с заметной чувствительностью, а потом усердно заводилось всё с начала, как на испорченной пластинке, и Квасницкий, удовлетворённо шмыгнув носом, окончательно успокоился. Ярый поклонник босняцких песен и блатного фольклора, его приятель Прохор Жмотов успел опохмелиться и пребывал в добром здравии, прекрасном расположении духа, а главное – по всей вероятности, почти трезв. Поэтому, совсем объявляясь, он лихо гаркнул приветствие и хлопнул певца по бодрому заду, затянутому легкомысленной, явно интимного происхождения простынкой.

Квасницкий слышал, что с некоторых пор приятель сменил занимаемый угол в старом разваливающемся особняке и с помощью вездесущего Баклея перебрался на новое место жительства. Хитро щурясь, замнаж не сдержался намекнуть, сообщая новость, что губа у Прохора не дура, попал тот под опеку какой-то влиятельной вдовушки. Но в вихре своих забот о предстоящей свадьбе Квасницкий пропустил мимо ушей эту пикантную деталь. Сейчас, сопоставляя и принюхиваясь к щекочущим ноздри определённо женским духам, сохранившим запах в комнате, несмотря на открытую форточку, лейтенант буквально впился глазами в обстановку квартиры и тут же заметил маленькую дверцу за книжным шкафом в одной из стенок. Дверца чьей-то беспечной рукой была едва-едва прикрыта, и этого хватило, чтобы Квасницкий, сделав стойку заправского спаниеля, покосившись на спину товарища, тихо засеменил к ней.

– Кто тама? – взяточно донеслось от Жмотова и тут же добавилось. – Ты, Верунь? Чего вернулась-то?

И певец снова запел:

– Пусть теперь женатый веселится,
Он своей свободою заплатит.

Мы ещё успеем пожениться,
Девушек на нашу долю хватит...

– Вот те раз! – взвизгнул Квасницкий и аж в ладошки прихлопнул. – Никак хозяйку ждал?

Жмотов прекратил тарабарщину, развернулся во всей красе и смерил гостя мутным взглядом:

– Это кто же к нам пожаловал? Ты, Игорёк?

– А вы Веру Павловну ждали-с?

– Отнюдь. Ты у меня гость желанный.

– Чую, чую.

– А то. Молодцом, что забежал. Угощу. У меня всегда заначка для верного дружка.

– Кто эта красавица, чей след так ощущает мой нос? – не унимался Квасницкий, жутко разочарованный неудачей заглянуть в тайную дверь. – Улавливаю неземные ароматы.

– Одно у тебя на уме, – криво усмехаясь, отмахнулся Жмотов. – Ну что? Будешь?

– Чуть-чуть. Я же от Ахапкина. А тебе не хватит?

– Сегодня в ночь выходить, – набросив на плечи диковинный халат, не новый, но со вкусом, Жмотов глянул на себя в зеркало, чем ещё более поразил дружка. – Степаныч звонил. Предупредил. Новое дело начинаем. На контриков.

– Так ты всё знаешь?

– А то. Правда, не пойму, почему мы не с тобой в паре? Пробовал Минина пытать, молчит.

– А он и не скажет ничего.

– Почему?

– Не знает.

– А ты знаешь?

– Знаю. Поэтому и здесь, – уселся к столу Квасницкий, ему не терпелось. – Наливай.

– Вот это по-нашему, – обрадовался Жмотов и руки потёр. – Действительно, сегодня праздник? Снег выпал?

– Верунчик осчастливит нас? – вместо ответа рыскнул по столу глазами Квасницкий. – Закусочки подаст? Я голодный!

– Что ты, – погрозил пальцем Жмотов. – Она дама строгих правил. Вот познакомлю – тогда. А чтоб фривольности... ни-ни.

– Порядочная, значит?

– А то... – Жмотов достал графинчик с рюмочками. – Она у меня княжеского происхождения. А мы честь бережём!

– Да ты что!

– Грузинка. Сам Нестор Семёнович рекомендовал.

– Ба-а-а, вот и дожили! – юродствуя, выскочил из-за стола, присел в поклоне Квасницкий. – Обскакал ты меня, мил дружок.

Жмотов, не замечая, вполне торжественно поднял рюмку и благосклонно продолжил:

– Слышал небось про грузинских царей, что в Успенском захоронены?

У Квасницкого вытянулось лицо, он не знал, плакать ему или смеяться:

– Так, так, так...

– Её предки сопровождали одного, – опрокинул рюмку Жмотов и глубокомысленно призадумался. – Так с ним и их... закопали.

– Во как! – всё же расхохотался Квасницкий. – Значит, есть расчёт?

– Это чего?

– При нормальном раскладе и тебе место в саркофаге сгодится Верунька, – прыснулся тот.

– Ты не кипячись, – всерьёз нахмурился приятель. – Тебе дело, а ты…

– Вот я к тебе как раз и с делом, – погладил пальчиком голую грудь товарища Квасницкий и пригубил рюмочку. – Надел бы портки, а то прямо глаз некуда положить.

– Стесняешься?

– Разговор серьёзный ждёт.

– А у тебя другие бывают?

– Жизнь заставляет всё время клыками грызть.

– А мне не к спеху, – рассерчал Жмотов, во хмелю он становился несговорчив. – Мне до вечера ещё дурака валять. Давай, выкладывай свои секреты.

– Считаешь, что готов?

– А я всегда, как хороший солдат, – захохотал тот. – В бой трубят, а у него живот поносом скрутило.

– Ну что ж, вижу – бодро держишься. – Квасницкий поднялся, заходил по комнате, кивнул со значением на дверцу за шкафом. – Гарантируешь?

– Без намёков, – повёл бровями Жмотов. – Порода не позволяет шпионить.

– Ну, ну, – отошёл всё же подальше к окну Квасницкий. – Шекспир предупреждал: женщине доверять – утром можно не проснуться.

– С кем ни попадя спать не следует, – буркнул Жмотов и ещё рюмочку хлебнул.

– Значит, так?

Жмотов только на стол склонился и голову рукой подпёр, как послушный школьник:

– Толкуй, а то в сон вгонишь.

– Тогда… с чего бы начать?

– С начала, – сомкнул веки Жмотов, но так натурально, что, испугавшись, Квасницкий перестал дурачиться и отчаянно пальнул:

– Есть шанс вляпаться в дерьмо!

– О! Как это не по-вашему, Игорёк, как не аристократично…

– В паскудную историю мы уже вляпались, мой дружок, теперь нам грозит новое счастье.

Жмотов лишь ресницами дрогнул, тычясь носом в ладошку.

«Ему сейчас, конечно, на всё накласть, а через десять – пятнадцать минут он совсем никакой будет, – с тоской подумалось Квасницкому, но другая мысль подтачивала: – А может, так оно и лучше? Он всё успеет услышать, многое запомнит, главное поймёт, и это останется в его памяти навсегда. О прочем пусть сам кумекает. Если трезвым был, вспомнил бы о таких химерах, как совесть, о других высоких материях. А так – и мне, и ему легче…» Сия перспектива вписывалась в его расчёт. И он ударил в лоб:

– Дело контриков, которое тебе и Минину поручили, гнилое.

Жмотов приоткрыл один глаз, впился им в говорящего.

– На нём, скорее всего, Подымайко и погорел.

У Жмотова вспыхнуло интересом второе око.

– Это версия…

Жмотов обмяк, хмыкнув.

– Но версия рабочая! Она процентов на девяносто пять потянет. А этот урод! – Квасницкий хлопнул ладошкой по столу так, что фарфоровые чашечки в итальянском шапчике Веры Павловны жалобно задребезжали. – Наш бестолковый баран мне это дело навязывал! Представляешь?

– Игорёчек, – откинулся на спинку стула Жмотов, млея и улыбаясь. – Но так сразу о родственнике!.. Даже мне… Зачем же?

Он изобразил осуждение и закачал головой:

– Ох, ох, ох! Разве можно так о начальстве и тем более за глаза...

– Замолчи! Тебе б только посмеяться! А он меня в это дерымо хотел упечь.

– Ну что ты? Ты ж сказал, что нам со Степанычем там копаться? Значит, ты с ним обо всём договорился. А? По-родственному? А мы уж со Степанычем в этом дерыме как-нибудь... по уши, – осклабился Жмотов и потянулся к графинчику.

– Хватит! – отставил водку в сторону Квасницкий. – Думай своей бестолковкой, пока что-то соображаешь, а то обижаться будешь, что не всё объяснил.

– Так объясняй, – нахмурился тот.

– И я тебя в последний раз прошу! – чуть не взвизгнул Квасницкий. – Я тебя умоляю!

Не тычь ты мне в нос этим родственником!

– Не понял? Я-то при чём?

– Я ещё не женат.

– Ну?

– Подковы гну! Наши отношения с Натальей Львовной не дают оснований считать, что и на службе я должен стелиться под её папашу. Тем более что мы, как известно, юридически с ней пока не оформлены.

– Вона как!.. – Жмотов всё же потянулся к графинчику и плеснул себе в рюмку, тем более что Квасницкого это уже не заботило.

– Развозят трёп! Вот народ! Не оттащишь некоторых, так и прут в твоём брюхе пошмоновать!

– Ты меня ждёшь, а сама с лейтенантом живёшь, – опешил, запел Жмотов и за портсигаром полез.

– И прекрати свои идиотские подковырки! – ожёг его глазом Квасницкий. – От них тошнит.

– И я же виноват, – поджал губы товарищ, но смолк, с удивлением ожидая продолжения, ему уже явно не дремалось.

– Ты слышал, чем занимался последнее время наш висельник?

– Подымайко?

Квасницкий хмуро кивнул.

– Чего ж ты о нём так, Игорёк? Вчера душевно посидели, разошлись, можно сказать сердечно...

– Вчера ради дела посидели.

– Ради дела?

– И ладно. Всё не без толку, – отмахнулся тот.

– Вона как! Тебе суть нужна?.. Память почтили боевого, так сказать, товарища, а ему смысл...

– Сегодня всё развернуло в другую сторону! – вытаращил глаза на приятеля Квасницкий, очки с носа уронил, полез на пол их отыскивать. – А-а-а, чёрт!

Жмотов лениво нагнулся, помог товарищу в один момент, как будто и не брал в рот ни грамма.

– Ахапкин меня ошарашил! – тряслось Квасницкого. – И потом! Что мне рассусоливать по поводу того психа? Повесившись, он всех нас подставил! Всю «контору»!

– А конкретно можно? – напрягся Жмотов так, что морщины лоб избороздили и жилы на шее выступили, его задел пренебрежительный тон приятеля. – Чего ты так о мужике?

Квасницкий с опаской оглянулся на дверцу в стенке за шкафчиком, наклонился над столом к Жмотову и, вытянув шею, зашептал:

– Они с Ахапкиным затеяли дельце про молодёжную организацию сварганиТЬ. Точь-в-точь такое, на котором Абакумов летом спалился. И у нас оно, похоже, тоже лопнуло. Не

знаю, но что-то не получилось. Скорее всего, Подымайко заартачился. Голову, суха, поднял! Стопорить начал...

– Савелий Михеич?

– Михеич, Михеич! Что ты так за этих старперов заднице дерёшь! Они тебе родственники? Друзья дорогие?

– Слушай, Игорёк! – начал подыматься Жмотов. – Я могу и по мордасам! Не надо так о Степаныче и Подымайко.

– А как? Неужели тебе всё ещё не ясно, чем оборачивается эта трагикомедия с повешением? И это всё только начинается!

– Да что ты меня страшаешь? Тебе известно, какие это люди? Подымайко в Смерше всю войну прошёл, два боевых ордена на груди. И какие! Он немецких шпионов, знаешь, сколько из наших доблестных партизанских отрядов выудил! Сам Канарис его личным врачом объявил и всю семью приказал расстрелять, когда какой-то подлюга их сдал на Украине. Мне Степаныч о нём такое рассказывал!..

– Очнись! Чего ты долдонишь! Ты вчерашним днём живёшь.

– Если б не ранения, они оба у нас здесь не торчали. Они бы сейчас на самых верхах!..

– Ты зенки-то открай! – Квасницкий совсем на стол лёг грудью и зашептал, зловеще вращая глазищами. – Ты же не замечаешь, что вокруг творится. Даже в нашей «конторе».

– Чего это ты?

Жмотова вдруг затошило. Ему стало не по себе от бесконечных ужимок приятеля, похоже, тот был пьян, а не он: то он визжал, не сдерживая крика, то змей шипел, чуть не жаля, а уж глаза пялил!.. Жмотов постарался скоренько долить остатки из графинчика в свою рюмку и допить, пока приятеля совсем не хватил нервный удар.

– Ты вот стишками увлекаешься, демонстрируешь мне блатной фольклор, издеваясь, что у меня с Натальей нелады?

– Да что ты, Игорёк? – утёр губы ладонью Жмотов. – С чего ты это взял? Я и не думал ничего подобного. А песня?.. Так это действительно случайно пришло на ум, я и тебя-то не видел, когда умывался... Во, псих!

– А в жизни нет ничего случайного, – оборвал его Квасницкий. – В жизни каждому всё предопределено. И я тебе сейчас скажу, что нас ждёт. Из твоего же блатного фольклора. Из Вийона твоего паршивого.

Жмотов совсем оторопел, тупо поедал глазами беснующегося товарища. А тот поправил очки на носу, глубоко, с шумом втянул в себя воздух и задекламировал, мрачноgrimасничая:

– Я – Франсуа, чьему не рад.
Увы, ждёт смерть злодея.
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея¹.

Закончив стих, Квасницкий схватился за горло обеими руками, задёргался, словно в конвульсиях, и, изображая удушье, прохрипел вполне натурально:

– С некоторых пор я на себе эту петлю чую. Ночью вскакиваю, когда она меня змей обожмёт. И дышать нечем... Тебе не являлось?

– Лечиться надо, – сплюнул Жмотов. – Бессонница бывает, но я водку держу. И тебе советую. А то от нашей работы свихнёшься. Ну, чего ты задурил, Игорёк?

¹ Известное четверостишие Ф. Вийона о приговорённых к смерти в переводе И. Эренбурга.

Нелепым концертом всё ещё представлялись ему чудачества приятеля. Всё казалось, что вот сейчас тот бросит паясничать, улыбнётся по-человечески и как обычно скажет, скорчив рожу: «Ну что, бугай, здорово я тебя разыграл?»

– Всем нам соhnуть на виселице, – вместо этого услышал он.

– Да что с тобой, чёрт возьми? – Жмотов вытянул свою длинную ручищу, хлопнул товарища по плечу так, что того тряхнуло. – Ты где до меня набрался? Ты же пьян, как свинья! Никогда таким видеть не приходилось.

– Я трезв. А вот ты действительно пьян. Но не от водки, а от собственной глупости. Больше скажу, ты слеп, – Квасницкий отвернулся от приятеля, но встряска на него подействовала, он будто успокоился сразу, снял очки, перед собой на стол положил и замолчал надолго, глаза без стёкол застрадали, страх, тоска и обречённость заблестели в них, казалось, ещё мгновение – и он заплачет.

– Больше скажу, – медленно, будто сам с собою разговаривая, зашептал он снова, – ты слеп, как слепы все вокруг. Ты совершенно не видишь, какая грызня идёт вокруг нас. А ведь в итоге пожирают друг друга. И побеждает Каин. Начинают с нас, с нашего брата, с мелкой сошки. С тех, чьими зубами эта грызня ведётся.

– Опять он за своё!..

– Ты помнишь великую чистку, которую сволочь Ежов устроил по всей стране?

– Чего это ты? – вздрогнул Жмотов.

– Врёшь! Помнишь, только трясёшься от страха даже думать об этом, вспоминать боишься, а уж обсуждать тем более. Как же! Ежов – враг народа, расстрелян сам, измазан в дерьме. Страшатся упоминать имя бывшего героического наркома, которого называли не иначе, как героем. А что он сделал, этот герой? Уничтожил своего предшественника, такого же руководителя органов, Генерального комиссара госбезопасности Генриха Ягоду. Того самого Ягоду, которого знала вся страна как правую карающую руку нашего Великого Вождя и дрожала от страха при упоминании одного его имени. И было отчего, потому что он начинал в Чека с девятнадцатого года, вся грудь в орденах, убийцу самого Кирова в Питере за горло схватил! Эта была карающая десница в стране! А где оказалась его героическая и славная голова? Скатилась с плахи, а имя проклято!..

Жмотов попытался что-то сказать, но Квасницкий остановил его жутким взглядом безумца.

– Я не собираюсь сейчас анализировать и делать какие-то выводы, я лишь напомню тебе голые факты из истории нашей «конторы». Вместе с опозоренным комиссаром из госбезопасности Ежов вычистил тогда десятки тысяч людей, большинство их оказалось в тюрьмах, расстреляны, а вместе с ними страдали так называемые «чсиры». Тебе хорошо известно, что ожидает членов семей врагов народа, ведь таковыми все они были объявлены и изгнаны из общества, как подлые твари.

– Но...

– Слушай, – поднял руку Квасницкий. – Можно было бы понять, что Ежов поступил правильно – на самом верху он действительно обнаружил тайного, умело замаскировавшегося врага в лице Ягоды и, разоблачив его, предал суду и уничтожению. Честь и хвала, как говорится. Но что произошло через год? Или ты опять постарался всё запамятовать? Конечно! Так удобнее и спокойнее!

Жмотов крепко сжал губы.

– А я тебе напомню, что стало с этой сволочью, лишь он уселся в преторианском кресле, ещё не просохшем от пролитой крови. Его самого постигла та же участь. Лаврентий Павлович Берия срубил ему макушку одним махом, и в тюрьме он ползал на карачках, вымаливая прощенье и жизнь. Но был казнён.

– Собаке собачья и смерть, – буркнул Жмотов. – Мне всегда не нравился этот плюгавенький маленький человечек, вечно прячущийся за чужими спинами. У таких обычно касает или нож за пазухой, он маму родную убьёт и не поморщится.

– А сколько голов полетело с ним? – холодным тоном остудил пыл приятеля Квасницкий. – Про новую великую чистку в этот раз по всей стране не шумели, а пострадало с Ежовым народу нашего не меньше, чем с Ягодой.

– Приспешники, – сплюнул Жмотов.

Квасницкий только задумчиво покивал головой, не сводя с него тревожных глаз, а потом подпёр лоб рукой.

– Ты знаешь, Прохор, во всех империях эта традиция поедать друг друга процветала. В цивилизованных государствах Запада и Востока у монархов и министров считалось особым шиком обвинить в измене и сократить лучшего своего друга и помощника, объявив перед этим всенародно о его коварстве и измене. Особо прославился в этом римский император Нерон, он и отчима скушал, и материю родной не побрезговал, сестру в постель затащил и сожительствовал...

– Ну тебя понесло! Мели, Емеля...

– А прошлым летом очередь нового министра госбезопасности настала, – мимоходом проговорил Квасницкий будто по инерции, – или ты уже забыл про Абакумова?

– Но он только арестован!..

– Наверху ошибок не делают, – сказал, как отбрил, Квасницкий. – Или у тебя есть другое мнение?

– Ну... как...

– Вот и я тоже так считаю, – поджал губы Квасницкий, подобрался весь, сжался, вскочил на тонкие ножки, забегал по комнате; сам на себя не похож, как будто и не он вёл только что задушевные нервные разговоры. – Твои Минин и хохол тот, кстати, – абакумовские ребятки, из смершевцев. Анализируешь?

– Но они своё дело знали, – забормотал смущившийся Жмотов, не ожидавший такого поворота. – И делали, что им приказывали.

– А мы с тобой разве самодеятельностью занимаемся? Но что с ними стало? Один повесился, дело контриков чуть не завалив, а другой... – скривился Квасницкий.

– А Михеич чего?

– И Михеич... мужик непростой.

– Ну знаешь!..

– Знаю, – подскочил к нему тут же Квасницкий, на носочки сапог встал и в подбородок Жмотову двумя пальчиками вцепился. – Знаю! Правда, пока не всё... Но я докопаюсь. Или ты во мне сомневаешься, Проша?

– Чего это ты?

– Значит, не сомневаешься. Вот и хорошо. У меня к тебе в связи с этим маленькая просьба будет. Так и не просьба вовсе, пустячок. Ты с оперуполномоченным нашим сегодня ночью повнимательней будь.

– Это чего ешё?

– Приглядывайся, я тебе советую, прислушивайся, запоминай.

– Да пошёл ты!

– Ну как знаешь.

– Товарищи офицеры! – просунулась в дверцу за шкафчиком женская головка. – Можно вас побеспокоить?

Квасницкий и Жмотов обернулись и застыли, склонив головы в почтении навстречу величественному входящему в комнату созданию.

— Прохор Андреевич, вы гостя принимаете, а меня не предупредили, — улыбалось создание. — Как же так? Здравствуйте, молодой человек. Рада вас видеть.

VIII

Проторчав допоздна у Ахапкина и наконец распрошавшись с неугомонным Баклеем, насовавшим ему уже на завтра новые поручения, Минин тяжело вздохнул и направился к себе; согласие от начальства получено и можно было отнести клетку с попугаем домой.

«Часа полтора хватит, — думал оперуполномоченный, поспешая по тёмным улочкам, — успею сам искупаться, в себя прийти и птицу обустроить. А там и на службу. К десяти как раз».

Попугая он решил называть просто Птицей, красиво и без этих... грязных намёков. А то придумал Михеич ему имечко людей пугать. Что ещё за Провокатор? А Птица — это красиво, скажешь и чуешь, как крылья вырастают, не только чудаковатому попугаю, а самому летать хочется. И он повторил еле слышно, пошевелив спёкшимися за бурный день губами:

— Птица ты моя...

Попугай в клетке будто этого и дожидался, вздрогнул, на него скосился. Может, понял, что о нём рассуждает новый хозяин, поэтому коротко и обиженно крикнул по-своему.

— Ты чего? — спросил уже громче оперуполномоченный. — Чего по ночам людей булгачишь? Жрать небось хочешь?

Тот не ответил, только зло отвернулся и клювом зацокал, какого, мол, хрена?

— Хочешь, — засовестился оперуполномоченный. — Весь день ни грамма, у тебя ж в клетке одна вода и то только та, что я налил. Это надо, почти трое суток без жратвы! Только наша птица и может так терпеть. Вся в хозяина!

Попугай снова косо смерил Минина взглядом и отвернулся, не считая нужным зря нервами портить.

— Вылитый Михеич! — одобрил Минин. — Во, вырастил птицу хохол!

Когда он добрался домой, засветил керосиновую лампу и начал подыскивать на столе место клетке, попугай опять нахохлился, клюв отвернулся и зацокал сердито и обиженно.

— Ты, конечно, Михеича увидеть здесь думал? — посочувствовал ему Минин. — Нет, дружок, теперь тебе со мной время коротать.

— Пр-ровокатор-р-р? — вдруг спросил попугай.

— Какой он тебе провокатор? — обиделся Минин, но вида не подал, даже не замахнулся. — Михеич никогда провокатором не был. Жизни себя лишил? Ну так что ж!.. Конечно, с первого взгляда страшно. Но ведь разобраться надо. На всё причина должна быть. Михеич, он никогда просто так ничего не делал. Ты что повторяешь за начальством? Их понять можно, им лишь бы орать. А ты птица умная.

— Пр-ровокатор-р... — совсем грустно и безнадёжно повторила птица, выслушав бормотание оперуполномоченного, поправлявшего клетку и сунувшего на положенное место в решётку корочку хлеба.

— Ты чего? Аль не понял? Я ведь тоже не любитель два раза повторять, — отвернулся Минин от птицы и занялся собой.

Время было в обрез, а ему надо ещё добраться до речки. «Перекушу на работе», — решил он, загасил лампу и вышел на улицу.

Оперуполномоченный, капитан госбезопасности Артём Степанович Минин удивлял на службе да и редких знакомых своими странностями. Странностей было несколько, а точнее — три.

Он, как с фронта заявился, ютился один в выделенном ему брошенном особнячке-домике на две комнаты. Сколько с ним бесед ни проводили, сколько по-дружески ни

советовали, а жениться он мысли не допускал, новой семьи заводить не думал и даже разговоры об этом пресекал в самом начале. Будь это разлюбезный подполковник Нестор Семёнович Баклей или сердечный приятель Савелий Подымайко. О прошлом тоже не любил вспоминать, погибли все в войну – и жена, и сын. И весь сказ. Второй его страстью, позако-выристей, было купание в Волге. Плавание плаванием, это куда ни шло, но Минин купался в речке почти каждый день. И утром, и вечером, а то и по ночам, когда совсем хорошо – любопытных глаз не видать. И летом, и осенью, и зимой. А по льду даже с особым пылом. Стоило ему зашмыгать носом, хотя и редко это замечалось, он прыг в прорубь, прямо на льду портки скинув, и оттуда минут через десять – пятнадцать является. Вот вам новорождённый! Весь жаром пышущий, красный... выкатывался пылающим угольком. Многие пугались этой его страсти, сторонились, а некоторых, наоборот, словно магнитом притягивало по первое время; на спор нарвутся и начинают с ним чуть ли не каждый день на берег бегать, особо упорные и злые до ноябрьских праздников дотягивали, а там, после весёлых демонстраций или смущённо прятались, или в больнице оказывались. Коварная в городе погода, вроде и юга, а природа берет своё. А Минина не брала.

И ещё одна страстишка за ним водилась, но это смешная совсем, и её смущался даже сам оперуполномоченный. Любил он книжки читать. Этим, конечно, не удивишь, кто их не читает. Баклей вон на общих собраниях и Достоевского где вставит, и Льва Николаевича помянет, о преступниках и о духовном противоречии внутри себя они глубоко копали. А Минин читал только одного писателя, американского коммуниста Джека Лондона он предпочитал всей другой литературе и его редкие книжки старался достать, сколь бы за них ни просили на барахолке, где он пропадал каждое свободное воскресенье или в выходные дни, если бывали. Раздобыв, притаскивал домой, ставил на специальную полочку в шкафчик под стекло и уже никому ни-ни. Посмотреть, полистать – пожалуйста, а чтоб с собой!..

Подымайко на смех его подымал, удивлялся: выходной-то редок, выпить лучше граммов по сто-двести, посидеть, поговорить по душам, гармошку потискать, обмякнуть от служебных забот, а Минина не пронять, ему кто-то сообщил по секрету, что прошлый раз, когда на барахолку не удалось выбраться, рыжий бес, книгоман Васька Трегубов «Мексиканцем» хвастал и ещё брехал во всеуслышание, что может достать самого «Мартина Идена». Обе эти книжки уже стояли у оперуполномоченного на заветной полочке, но эти, о которых молва пошла, были со всеми страницами, не растрёпаны и не зачитаны до дыр, а кроме того, с иллюстрациями. И Минин начинал строить планы, как завладеть сокровищем, забыв про всё.

Вот так и жили, но когда это было? Несколько дней прошло, несколько дней нет верного товарища Подымайко, а вся жизнь перевернулась. И словом добрым не с кем перекинуться, и нервотрёпка вокруг; беготня, суeta покоя не дают, и хотя был бы какой толк, а то всё злоба, всё крики, куда уж тут до личных забот-хлопот, забыл, когда ел по-человечески.

Минин сбросил одежду в приметном месте, без задержек залез в воду, окунувшись с облегчением в знакомое наслаждение и покой; ветра и волны не было, вода тут же успокоила и повлекла к себе. Он поплыл, мощными рывками рук проталкивая сразу вспыхнувшее приятным огнём лёгкое тело, дальше от берега, туда, далеко прочь, на свободу. Тело подчинялось ему каждым мускулом, каждым нервом, поначалу ныло, словно застывшееся от безделья мощное крепкое существо, но постепенно уверенность и тепло наполнили его, и оно, возрадовавшись, возликовало. Минин даже закрыл глаза. Это общее чуткое послушание всего организма, светлое пение в душе рождали единую и чудесную гармонию, которая захлестывала, переполняла его от впечатлений. Он перевернулся на спину и совсем обмер, невольно вскрикнув от неожиданного прекрасного видения. Бесконечная тёмно-фиолетовая пропасть над ним горела миллиардами звёздных скоплений. Рассеянные будто неосторожной хозяйкой золотые зёрнышки по бескрайнему полю звёздочки одна другой ярче, одна другой круп-

ней, а то и целые их гроздья сияли над ним, восхищая, пугая и сводя с ума. Составляя одно единое целое, огромное необъятное око, оно, казалось, внимательно и настороженно следило за ним да так, что Минин замер, почувствав неладное, и перестал фыркать в воде, а тот, неведомый, кому это строгое око принадлежало, без голоса спросил его. И сердце ёкнуло. Сердце остановилось. В том месте, где оно когда-то было, образовалась щемящая игольная боль, будто кто колынул резко и глубоко, и боль эта стояла, не выходила. А голос всё спрашивал: «Что же ты, Артём?»

Он забарахтался в воде, потерял уверенность и едва не пошёл ко дну, утратив способность плавать. Страх скрутил ему руки и ноги, сковал тело, а боль уже резала и жгла всё сильней и сильней. «Что же ты, Артём?» – всё спрашивал голос. И он закричал диким криком, чувствуя, что сейчас погибнет; тело его погрузилось в воду, он задыхался, глотая её, сладкую до противности и пробовал выплёывать, но не мог и понял, вдруг успокаиваясь, что это всё... Тьма смыкалась над ним и уж совсем накрыла.

Но кто-то грубый, криклиwyй, злой схватил его за волосы и потянул вверх, ему стало больно, и эта новая боль не прекращалась до тех пор, пока он не схватил первый глоток воздуха и вода не рванулась прочь от него.

– А, мать-перемать! – орали над ним и бесновались. – Жив? Жив!

– Тащи его к берегу!

Он уже различал голоса, рядом таращел баркас.

– Кто же купается в эту пору? – кричал ему в ухо тот, который только что матерился. – У тебя одёжка есть какая, дурачок?

– Мне на работу надо, – губы его уже шевелились.

– Вот, мать-перемать! Его от смерти только спасли, а он своё. Ефим! Ефим! Кинь там тряпьё, его бы согреть. Это какой же дурак теперь в речку лезет?

– Убивец! Кто же ещё?

Минин поднял голову.

– Очухался! – заржал бородатый матерщинник.

А через час и даже меньше оперуполномоченный уже торкнулся в свой кабинет на первом этаже «конторы».

– Входи! – ответил изнутри зычный бас Жмотова. – Я тебя не дождался, сам открыл. Ничего?

– Ничего, – буркнул Минин.

Кабинет его был готов к допросам. Жмотов времени не терял, постарался: сияла на столе лампа, слепя глаза, блестел нервной чистотой стол, белый лист торчал на нём, как бельмо на глазу быка.

– Ты чего, Степаныч? Не задремал? – хмыкнул Жмотов. – Или бабу завёл?

– На речке купался.

– Успел?

– Ага, – мрачно кивнул Минин.

IX

– Тебя с бумагами знакомили? – Минин отключил раскалившуюся лампу, примостился на подоконнике, портсигар открыл.

– Откель? Баклей тут забегал, сказал, что они у тебя. – Жмотов, развалившись на стуле, качнулся на задних ножках, те жалобно заскрипели под ним. – Но ничего, объяснил на пальцах. Вроде опять какой-то подпольный союз накрыли?

– Он наговорит.

– А что? Не так?

– На, читай, – открыл сейф и бросил на стол совсем тонкую папку Минин. – Я тоже думал увидеть законспирированных злодеев, допросы форсированные полистать, в анализы, доказательства окунуться… А там кот наплакал.

– Что за вопрос? Нет, так будет. Тем слаще нам почёт! – бодро выпалил Жмотов, язык заметно подводил его, он опять на спинку стула откинулся, да так, что тот заскрипел уже совсем обреченно, и громко прочитал: – «Союз борьбы за дело революции!» Ого-го! Вон что замыслили выродки!

– Ты стул бы пожалел, – одёрнул его Минин. – Меня наш Ахапкин тоже озадачивал. У него получается, что прямо щупальца спрута обнаружены. И не какая-нибудь хала-бала, а из самой столицы тянутся до нас и по всей стране. В Москве, правда, ещё кумекают, не определятся насчёт их конкретного вредительства. А у нас уже соображения пошли, проекты…

– Это тот Союз, за который Абакумов загремел в Матрёсскую тишину? Не смог своевременно его раскрутить?

– Слыхал?

– Краем уха.

– Он-то его раскрутил как раз, да кое-кому, видать, хотелось другое услышать.

– Вот и замудрил!

– Вменялись ему и эти упущения, – опустил глаза Минин. – Но там у них хоть студенты были, идеи мудрёные. А у нас?.. Однако Ахапкин с Баклеем уже свою печать шлётнули: контриков обнаружили. Пусть и сопливых.

– Контрреволюционная банда!

– Какой там! Шпана несмышлёная.

– Это как?

– Пацанва вшивая, школьники деревенские, есть даже несовершеннолетние.

– Сколько?

– Восемь человек всего в собашнике².

– Это ж целая организация! Точно осьминог!

– Вот, вот.

– А у тебя, значит, другое мнение?

– Нет у меня никакого мнения, – сказал, как отрезал, Минин и нахмурился. – Я их ещё в глаза не видел. А вот майор Подымайко имел мнение на их счёт. И Ахапкин не скрывает, что оно отличается…

– Что же он? Против был?

– Ты бумаги читай.

– Да что их читать? Я уже проглядел. Три листа! Заявление неизвестного, почерк не различить, больше догадываться пришлось, что он изобразить желал. Кстати, его установили?

– Я бы тоже хотел знать.

– Директор школы тоже что-то накарябал невразумительное. И выжившая из ума учительница, по-другому не сказать, измысления о Толстом да Достоевском приплела. С какого боку? К чему её цитаты, охи и ахи? Какими они великими были, мы и без неё ещё в школе проходили.

– Эти её охи и ахи, как ты выразился, и есть объяснение причин того, что стряслось в этой школе, – потёр лоб Минин, ему что-то душно показалось в помещении и затошило от папироски, хоть форточку открывай, но он вспомнил инструкцию проочные допросы – не положено.

² Место предварительного (до ареста) содержания задержанных (вор. жаргон).

– Не понимал я никогда этих интеллигентов, – бурчал своё Жмотов. – А суть – она вот, в одном кулаке моём уместится.

И он грохнул себя кулаком по колену.

– О кулаках забудь! Дети.

– Ну уж и дети...

– Я тебе говорю. Разберёмся и без этих... твоих упражнений. – Минину что-то совсем плохо стало, грудь вроде как обожгло и огонь этот, тлея, заполнял всё пространство грудной клетки, пылая, порождал неожиданную тревогу и тоску.

– Где у нас вода-то? – пошарил он глазами по пустому столу.

– Да вон на сейфе у тебя графинчик. Я убрал, – Жмотов, закинув ногу на ногу, беспечно дымил в потолок.

Минин судорожно опрокинул в себя стакан воды, жжение постепенно затихло, будто его притушила прохлада, он, продляя удовольствие, не торопясь, осушил и второй стакан, коротко бросил Жмотову:

– Ты бы меньше чадил. Ночь впереди.

– Слушаюсь, товарищ начальник, – дурачась, тот смял папироску.

– И про директора тоже зря, – Минин чуть не сплюнул от досады. – Он мало накатал, но толково. Бояки в казаки-разбойники игру затеяли. Пионерская организация, по их мнению, бездействует, комсомольская ячейка дурака валяет, решили устроить ревизию воспитательной работы в школе. Патриотическую тему им не так преподносят, видите ли, не на тех примерах. Вот об этом директор школы и настрочил. Он так прямо и подметил, что сопляки эти подвергли критике весь воспитательный процесс и затеяли свору со старой учительницей, которая им в бабки годится. Не им её учить. Пусть даже и не права. В общем, заигрались детки. А игра вон чем оборачивается по сигналу дотошного умника.

Жмотов дёрнулся возразить, но только губы поджал. Они помолчали, стараясь не глядеть друг на друга.

– Ну так что? – первым не выдержал Жмотов, вскочил на ноги, зашагал по кабинету, почёсывая кулаки. – Начнём помалу?

– Давай, – смерив его тяжёлым долгим взглядом, Минин подошёл к столу, сел, приблизил лампу, развернул против себя, щёлкнул кнопкой включателя.

Яркий жаркий луч света упёрся в стену, готовый всё выжечь перед собой.

– Ты, Прохор Андреевич, успокойся и сядь вон там, в уголок, – Минин кивнул Жмотову в самую темень кабинета. – Не встревай пока, без особой моей команды.

– А я что! – вскинулся тот.

– Вы поняли меня, лейтенант Жмотов? – жёстко спросил Минин, но глаз не поднял и даже головой ткнулся в крышку стола, будто важное там узрел.

– Так точно, товарищ капитан.

– Вот и прекрасно.

– Как обычно, Степаныч, – ощерился Жмотов, учуя слабинку в голосе Минина. – Я в забойщиках. Работаю вторым номером. У нас с Игорьком неплохо получалось. Ну а сегодня ты строчишь.

– Я смотрю, от тебя душок! – ожёг его взглядом Минин, не стерпев. – Гулял опять?

– Да что ты, Степаныч? Я же отсыпался. От вчерашнего, – ухмыльнулся тот, но заспешил в указанное место, напевая чуть слышно. – Все карты говорят о том, что ждёт меня дорога, большой марьяж, заветный дом и дама-недотрога... У меня работа настроение подымет. В безделье, наоборот, мучаюсь. Ты же знаешь, Степаныч.

– Ну посмотрим, посмотрим... – подозрительно проследил за ним Минин и нажал кнопку под крышкой стола.

Влетел солдат, щёлкнул каблуками.

— Всех привезли? — не поднимая головы, спросил Минин, он уже потушил верхний свет, и сияла лишь лампа на столе.

— Всех, товарищ капитан! — рявкнул солдат, ослеплённый, он ничего не видел.

— Тише, тише. Веди-ка старшего. — Минин поводил пальцем по бумаге. — Леонтьева Александра Павловича.

— Есть! — пропал солдат и явился уже с подростком, едва достававшим ему до пояса, одетым во что-то тёмное, мешковатое, с бледным болезненным лицом.

Солдат ткнул локтем бледнолицего заморыша, того словно подбросило, он ожила и, вскинув глаза в потолок вместе с острым подбородком, отчаянно выкрикнула:

— Арестованный Леонтьев! Статья пятьдесят восьмая!³

— Вот те на! — подал голос из угла Жмотов, но Минин не шелохнулся, внимательней взгляделся в солдата:

— Вы меня правильно поняли? Я просил старшего в смысле главного?

— Так точно! — рявкнул тот.

— Хорошо, — опустил глаза Минин.

И солдат выскочил за дверь.

— Ну... Проходи, Леонтьев. Вон на тот стул.

Мальчишка долго, словно на ощупь, шёл, а когда сел, лампа впилась ему в лицо жаром и светом так, что он отпрянул.

— Колется?

Глаза его впали, плотно закрывшись, губы дрожали.

— Холодно?

Тот вцепился в стул руками, чтобы не свалиться.

— Жарко?

Похоже, сил открыть рот у него не было.

— Чего молчишь? Немой?

— Нет...

— Ну, наконец-то. Пробило. А дрожишь чего? Испугался?

— Нет.

— Ну тогда рассказывай...

X

И следующие шестеро были такими же, будто из одного выводка цыплячьего; лепетали бескровными губами, пугаясь и путаясь, на один лад в один голос твердили одно и то же.

Минин редко перебивал, нужды не было; вновь заведённого в кабинет требовалось разговорить, а потом речь лилась, чувствовалось — засиделась пацанва в собашнике, лампа их подогревала без его вопросов; он, прищурившись, глядел перед собой, подперев щёку ладонью.

История вырисовывалась трагикомичная.

Почти два года назад затеялся в деревне этот секретный кружок. Теперь уже никто из них не мог точно вспомнить, кто первым подал идею. Сходилось на Лавре Лазареве или Лазаре, как его окрестила местная пацанва между собой. Он и стишки пописывал, и книжками увлекался, у него отец председатель колхоза, поэтому дома библиотека будь-

³ Статья 58-1 УК РСФСР действовала с 1926 г. по 1960 г. — контрреволюционные преступления, считались наиболее тяжкими преступлениями и карались наказанием до высшей меры социальной защиты — расстрела. Данный состав преступления требовал наличия умысла совершения или подрыва государственного строя, власти, однако обходились без этих «формальностей» и тысячами расстреливали фактически невиновных.

будь; там от Пушкина до Жюля Верна, чего только не найти. В сельскую столько народа не ходило, как к ним в очередь записывалось, чтобы редкость какую дождаться. Матери у них не было, а отец каждый месяц из города на «газике» пачками книжки привозил, не всегда новые, и подержанные попадались, но интересные, видно, с рук покупал; младшая сестрёнка «читальней» ведала, аккуратно записывая в тетрадку каждую выданную книжку и предупреждала нерадивых писклявым голоском, что только на две недели, а не успел – неси назад и переписывай снова.

Но Лазарь нос не задирал перед остальными, его пацаны за другое уважали и доверяли верховодить. Дело в том, что он не только по книжкам, но и на кулаках был мастер, никому спуску не давал, защищая маленьких и слабых. Всё бы ничего, и в школе Лазарь был не на вторых ролях, хотя в передовики не лез, но особое положение домашней библиотеки каким-то образом отразилось на его отношениях с «бабкой Зиной». «Бабкой Зиной» за глаза называли все от мала до велика Зинаиду Исаевну Прокофьеву, старейшую учительницу русского языка и литературы в школе. Сколько себя помнили все, учившиеся в селе когда-либо, эти предметы вела седая, высокая и сухая, словно жердь, старуха, сначала в начальных классах, а когда школа стала десятилеткой – с пятого и по выпускной. Её хватало на всех, несмотря на известный возраст, и могучим скрипучим голосом она могла погонять любого, порой добираясь и до самого директора, хилого и болезненного старишка. Но учительница новую библиотеку на дому не признавала, даже серчала на председателя колхоза, за глаза поругивала, а по селу сплетня поползла, что затаила злобу «бабка Зина»: перестал народ к ней бегать за советами и с просьбами, все по вечерам у Лазаревых пропадают. Вот с этой матроной с некоторых пор и начались у Лазаря мелкие стычки, переросшие со временем в бои местного значения, как для себя отметил оперуполномоченный Минин, выслушивая одного за другим подозреваемых.

Дело в том, что Лазарь, привыкший удивлять, и в школе порой выдавал такое, чего не только не отыскать ни в какой школьной программе, а вообще не услышать. В младших классах особо не замечалось, а когда в старшие перешли, выходки его вызывали у Зинаиды Исаевны некоторый ужас и естественное возмущение. То мальчишка о Пушкине выдаст про скабрёзного Луку, то запрещённого Есенина начнёт цитировать, на парту взгромоздившись в перемену. И ведь книг никогда в руках не держит, по памяти шпарит. Зинаида Исаевна пробовала с отцом разговаривать, но того не поймать, а когда перевстренуть удавалось, тот на ходу руками помашет, не успевает, мол, а пороть юнца – уже вырос, не положишь поперёк скамьи. На том и кончались беседы, а трещина увеличивалась, взаимная неприязнь росла. И произошло то, что должно было случиться.

Комсомольская организация с Зинаидой Исаевной подготовила школьный диспут о классиках отечественной литературы, естественно, на патриотическую тему. Выступавших в тот раз было много, и всех их словесница добросовестно прослушала, проконтролировала, отправилась со спокойным сердцем в «учительскую» чайком побаловаться, чтобы к концу вернуться, так как ничего интересного за это время произойти по её мнению не могло. А Лазарь как раз в этот конец со своим выступлением и затесался. Ну и лишь «бабки Зины» след простыл, он на трибуну взгромоздился и выдал тот, запомнившийся всем, первый номер.

Прежде всего он принял за «немеркнущее зеркало русской революции» Льва Николаевича Толстого. В руках его оказались бессмертные дневники, откуда Лазарь процитировал строки о том, что будущий граф и проповедник непротивления злу ещё в юном возрасте подглядывал за зрелыми горничными, поэтому неслучайно в знаменитом «Воскресении» изобразил любовные сцены так натурально, ибо не раз сам имел к ним самое прямое отношение. Это подтвердились и в его зрелом периоде жизни, когда, мучаясь от непонимания своей разлюбезной Софьи Андреевны, барин искал удовлетворение с дворовыми девками,

так что деток наплодил по белому свету без счёту. Зал онемел от неслыханного кощунства и пошлости, а Лазарь уже заторопился разбирать смутную натуру властителя русской души Фёдора Михайловича Достоевского на примере его революционного романа «Бесы». Оказывается, тот по молодости тоже поражал всех своими нетрадиционными взглядами, был неуёмно кровожаден и даже экстремистские мысли вынашивал, вербя в боевые пятёрки для убийства императора чувствительных поэтов и прозаиков. Однако после неудавшегося заговора и казни, когда царь, расщедрившись, негласно заменил ему смертную казнь в последнюю секунду и отправил на катергу, так прочувствовался, что в душевном своём романе «Бесы» подверг идею насилиственной революции обструкции, повесив главного героя его же собственными руками.

«Эти глубокие мысли Лазаря, – переваривал услышанное от пацанов Минин, – вряд ли соответствующим образом были уяснены школьной аудиторией, но до некоторых с извилинами и присутствовавших там нескольких учителей добрался вредный душок, исходящий из всех этих пошлых лазаревских открытий. Потом в пересказе «бабки Зины» содержание, должно быть, совсем утратило свой первозданный смысл, но даже и в интерпретациях истеричных учениц и подозрительном нашептывании учителей Зинаида Исаевна уловила главное – ахинея старшеклассника Лазарева есть не что иное, как бунт против неё, он нетерпим и опасен, что следует жестоко пресечь. Виновного, естественно, следовало наказать».

Для этих целей и состоялся вскоре педсовет, на котором отцу и беспардонному сыну крепко досталось. Прокофьева ставила вопрос об исключении из школы, до этого комсомольская организация вынесла провинившемуся строгий выговор, но директор заступился, и Лазарю дали возможность доучиться.

Скорее всего, тем дело бы и кончилось, всё бы забылось, как дурной сон: с кем не бывало чего-либо подобного в школьные буйные годы, все в этом возрасте больше всех знают, умнее и лучше других, тем более своих занудных учителей. Но главному событию предстояло ещё свершиться. Об этом, если верить пацанве, вообще никто из них не знал, не задумывал ничего подобного, не предвидел. Всё случилось само собой.

Спустя несколько дней после публичной казни, состоявшейся в школе, при свете кровавого пламени костра Лазарь, объявив всем, со слезами на глазах вырыл яму и бросил туда свой комсомольский билет. Вместе с ним предали земле свои билеты и остальные семь его верных сподвижников, к этому времени их кружок сформировался окончательно и собирались они только в этом составе, но уже действительно тайно, прячась от всех и только затемно. И разговоры у костра начинались другим недовольством, уже вспоминали и безграмотного секретаря партячейки колхоза, который писал с трудом, редко приходя в школу, перед учениками даже первого класса путался, и совсем слов не находил, махал рукой и в зависимости от причины своего визита заканчивал: «В общем, поняли, пацаны. Завтра картошку копать...» или: «Завтра на полив...» ну и так далее: «Завтра сорняк дёргать...»

А Зинаиде Исаевне тоже не так просто дались сражения с непокорным Лазарем; прослушав, что директор всё же не отстранил его от предстоящей праздничной демонстрации, она нашептала физруку Федосеичу, молившемуся на неё, как на икону, чтобы он погонял зарвавшегося сынка председателя, сбил с него спесь. Инвалид, ветеран трёх войн, Степан Федосеевич Свиногин занимался подготовкой демонстрации среди школьников, а Лазареву и его дружкам, самим крепким ребятам, предстояло по традиции нести огромный транспарант на параде по всему селу и перед главной колхозной трибуной, где обычно выстраивалось всё правление колхоза, председатель сельского Совета депутатов и сам Семён Семёнович Треухов – местный участковый. С задачей своей Лазарев и его команда всегдаправлялись без каких-либо понуканий, а тут вдруг Федосеич услышал замечания, да и от кого! От самой «бабы Зины»! Он, конечно, всё это истолковал на свой счёт, мол, копает Исаевна под него, так как молодого физкультурника в школу присмотрела. Поэтому рьяно при-

ступил к исполнению поручения. Что он вытворял с пацанвой, сколько их гонял по селу с этим проклятым транспарантом, одни они знают; тогда и пришёл, видно, тот злосчастный час, когда кто-то не выдержал и взвыл. Но не в строю, когда, тренируясь, тащили полотнище во всю улицу с красными пылающими буквами через всё село в очередной раз, а проклинать начал после, задумав, наверное, глупость эту ужасную, оказавшись уже в постели, засыпая и ругая всё на свете, а может, уже зло посмеиваясь...

Одним словом, парад удался на славу, демонстранты школьные лицом в грязь не ударили, и «лазаревцы» пронесли свой транспарант, как обычно, под аплодисменты и крики приветствия, даже с трибуны участковый Семёныч не сдержался и помахал бравым школьникам ручкой. Успех был грандиозным.

И только на третий или четвёртый день, когда на селе уже отгуляли, отец Лазаря, влетев в избу, словно ужаленный, впервые за всю жизнь наотмашь ударил сына, а когда тот вскочил на ноги и с немым вопросом уставился в глаза отцу, тот выкрикнул:

— Ты что же натворил, щенок!

…На том транспаранте, который приветствовало всё село, а участковый помахал ручкой, красные буквы складывались в зловещую и совсем не смешную фразу: «Коммунизм — наша цепь!» И стоял, угрожая всем, восклицательный знак.

Но он-то и раньше стоял, когда в последнем слове была другая буква.

XI

Допрос подозреваемых шёл к концу. Оставалась очередь за последним — Лазаревым. Но Минин притомился. К тому же вновь разыгралась боль в груди и хотелось пить. Он взглянул на часы — стрелки подбирались к пяти часам утра. Это что же? Выходит, он почти всю ночь без перекура протрубил!.. Минин кинул взгляд в угол, забыл про лейтенанта в горячке. Тот, склонив голову на плечо, мирно дремал.

За грудиной противно и остро кольнуло. «Неужели заболел? — заскребла тоскливая мысль. — Может быть, просто давненько не занимался ночными допросами, вот и утратил форму. А возраст не тот… Но эти посиделки с мальчишками, хотя и пытались некоторые из них упираться, допросами не назовёшь. Считай, просто проваландался, потравил душу. Вон Жмотов, наверняка и высаться успел…»

Когда солдат вывел очередного, Минин дал ему знак ждать за дверью, налил себе воды из графинчика, выпил, растигивая удовольствие. Боль опять уходила, жжение расползлось, затихало, будто рассасывалось. Он повёл плечами, взбодрился.

— Ну как тебе история? — повернулся в угол к Жмотову.

Лейтенант вздрогнул, поднялся не сразу, растирая рукой красное одутловатое лицо.

— Никуда они от нас не денутся. Шпана позорная!

— Ты понял, что я спросил-то? — усмехнулся Минин. — Проспал весь допрос!

— Ни на один глаз, — Жмотов сунул в рот папироску, жадно затянулся. — Я этих контриков ущучил с первого взгляда. С того зяблика гнилого. Ишь, он не знает, кто букву эл на пе устряпал! Ты почему его сразу не дожал? Я б его так скрутил!

— Да разве в этом дело?

— А в чём?

— Насчёт контриков ешё думать и думать надо.

— И думать нечего. Всё налицо. Транспарант имеется, а это важный вещдок.

— Думать, дорогой мой Прохор Андреевич, никогда не помешает, — поморщился Минин и схватился за грудь.

— Что с тобой? — навострил глаза Жмотов. — Ты чего весь побелел?

— Что-то будто ёкнуло… — простонал Минин.

– Ну-ка расслабься. Сиди, сиди. Я пульс посчитаю.

– Да что ж его считать, – покачивался, схватившись за сердце Минин, – душновато что-то.

– Мотор, мотор прихватило, – бросился расстёгивать ему пуговицы воротничка Жмотов, а затем и форточку распахнул. – Дыши, Степаныч. Сейчас лучше станет. Это бывает.

– Да вроде уже и ничего, – глубоко выдохнул тот.

– Может, врача?

– Чего булгачить? Отпустило.

– У меня с собой лекарства никакого.

– Чего это ты? – Минин слабо улыбнулся. – Какое ещё лекарство? Нормально вроде. Утром забегу в больничку к нашему Фёдорычу. И все дела.

– А то смотри, – Жмотов нагнулся над ним, в глаза заглянул. – Что-то ты мне не нравишься, Степаныч. Побледнел весь.

– Заканчивать будем, – застёгивал уже ворот Минин. – Ты только больше не кури.

– Да я уж когда выбросил, – сутился лейтенант. – А это тебя не с купания прихватило?

– Ну что ты! – Минин даже обиделся. – Купанием я, наоборот, все болячки лечу. Нет. Это сегодня что-то накатило. Нервишки, наверное. С Баклеем ещё днём схватились, потом у Ахапкина пошумели, а тут Савелий как живой перед глазами торчит день и ночь.

– Подымайко?

– Ну да, Михеич.

– Он и мне прошлой ночью приснился. – Жмотов за голову схватился. – Страшный какой-то! С верёвкой на шее!..

– Он на ремне удавился.

– А этот с верёвкой. Верёвку с себя стащил, размахивает ей, будто на нас с Игорьком набросить желает. Мы уворачиваемся, убегаем, а он бельма вытаращил!..

– Ты сколько выпил-то? – Минин подозрительно скосил глаза на лейтенанта. – Не горячка белая за тобой гонялась?

– Проснулся весь мокрый...

– Ну хватит. Командуй, чтоб вели задержанного. Да заканчивать будем.

– Ты как?

– Нормально.

– Ну и хорошо.

И солдат ввёл последнего. Восьмого.

Лазарев удивлял. Вернее, привлекал. И прежде всего внешностью. Мало того, что был высок, строен и подтянут. Он был красив и держался свободно, будто вокруг не было заводного солдата, слепящей лампы, двух хмурых офицеров в страшной форме. Словно голубь с улицы, взлетев на подоконник, оказался вдруг по ошибке в чьей-то клетке и завертел головой направо, налево, удивляясь, куда он попал? И искал своего. Такого же. Пернатого. Лазарев и на Минина так глянул, но по лицу скользнул – нет, не того он хотел увидеть. А на Жмотова даже не взглянул. И лейтенант не выдержал, буркнул:

– Красавчик попался.

– Ты что же, Лазарев, – с издёвкой настойчиво поймал всё же глаза подозреваемого оперуполномоченный, – подставил слюнтяя в главного?

– Вы о чём? – не понимая, вскинулся тот на Минина, и голубые глаза его под жаркой лампой заплавились морским сиянием.

– Леонтьева чего подговорили вожачком называться?

– Жребий выпал. У нас кружок. Главных нет. У нас все равные. А здесь у вас главного всем найти надо. Савелий Михеевич тоже с этого начал. Не поверил даже.

– Кто? Савелий Михеич?

– Ну да. Товарищ майор. Который с нами первым встречался. А что с ним?

– Неважно, – Минин покривился, игла в левом боку опять дёрнулась. – Продолжай дальше.

– Ну мы и выбрали. А чтобы не обидно, бросили жребий. Вот и выпало Саше Леонтьеву.

– Значит, не отрицаешь, что тебя все слушались? – наклонился к подозреваемому Жмотов и вцепился обеими ручищами в стул за его спиной.

– А нам отрицать нечего. Мы и Савелию Михеевичу всё рассказали, как было.

– Это хорошо, – перехватил нить допроса Жмотов, нависнув над задержанным. – Это хорошо, что правду говоришь.

Минин осторожно до левого бока дотянулся, рукой попробовал слегка массировать, вроде помогало, он кивнул лейтенанту: продолжай, мол, я в порядке.

– Правдивые показания зачутся, – тут же повысил голос Жмотов и совсем стул с Лазаревым к себе развернул, уставил глаза в глаза. – Скостят. Может, и семь копеек не понадобится получать⁴.

– Зачем семь копеек?

– Не шлётнут, – расхохотался Жмотов прямо в лицо Лазареву.

– Нас судить будут?

– А ты как думал?

Синь в глазах парня дёрнулась, затемнели они, начали стыть.

– Мы все думаем, что будут.

– Ты это выбрось из башки-то! Чего заладил: мы да мы? Каждый будет отвечать за своё. Каждый баран на своём крюку! Понял?

– У нас кружок…

– И ты в нём стишкы почитывал?

– Были и стишкы.

Превозмогая боль, Минин незаметно дотянулся до Жмотова, дёрнул того за руку: не гони, мол, лейтенант, не нагнетай, не кричи. Жмотов учゅял, моргнул – всё в порядке и чутьтише, будто смиряясь, спросил:

– Твои стишкы-то?

– Ну… разные.

– Вот и давай, прочти что-нибудь.

– Что-нибудь?

– Давай, давай, – ощерился Жмотов. – Что-нибудь душевное. О чём вы там втихаря, между собой делились. Выхожу я утром, снег ещё не стаял, вижу – моя мурочка спешит…

Жмотов и про Минина забыл, так песенкой своей увлёкся, за портсигаром сунулся в карман, но бледный, как мел, оперуполномоченный зубами скрипнул, будто опять знак подавая, и лейтенант прервался, поторопил:

– Давай! Чтоб за душу брали и как это у вас? Звало! На ваши подвиги!

Лазарев, всё это время не сводивший с него глаз, откинул голову, помолчал, вспоминая, и начал робко, постепенно набирая смелости:

– Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит. Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия, а мы с тобой вдвоём предполагаем жить…

– Да, да, – Жмотов вслушивался в каждое слово, изображая наслаждение, подымал бровь. – Ты прямо в тему.

– И глядь – как раз умрём, – резко завершил вдруг чтец.

– Это что ж? – выпучил глаза Жмотов.

⁴ Семь копеек получить (вор. жаргон) – быть расстрелянным, 7 копеек – цена револьверной пули в те времена.

– На свете счастья нет, но есть покой и воля, – продолжал между тем Лазарев, не обращая внимания, будто рядом и не было никого. – Давно завидная мечтается мне доля, давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег.

– Ну это ты пустое, – будто предупреждая, поморщился Жмотов. – Об этом и думать зря. У вас с побегом не выгорит.

– Я не про это…

– Я верю, – Жмотов хлопнул подозреваемого по плечу. – И стишкни ничего. Трогают. Душевые стишкни. Твои?

– Александра Сергеевича.

– Это который?

– Пушкина.

– Наш человек. Наш. Угодил, – захохотал Жмотов.

– Смотрите, – Лазарев скосил глаза в сторону Минина. – Что это с ним?

– Степаныч? – рявкнул Жмотов, бросившись к оперуполномоченному.

Минин, уронив голову на грудь, сползл со стула.

XII

– Что же? Это и есть ваш знаменитый гр-рад?

– Да, да. Подъезжаем, Яков Самуилович, подъезжаем.

Обух-Ветрянский уже весь упакованный: шинель, фуражка, сумка у ног, ручки, ножки сложил, у окошка устроился, всё высматривал что-то в предрассветной мутни.

Поезд подбирался к конечному пункту назначения.

– Император, я вам рассказывал, Пётр Великий-то водным путём сюда наведывался, на кораблях, под парусами! Спешил к открытию Успенского собора, колокольный звон услышать, а вам судьба уготовила другую планиду.

– Вы, Ер-ремей Тимофеевич, – поморщился, но улыбнулся Шнейдер, – большими категориями… Большиими…

– Так что же…

– Нар-род этот вр-ряд ли оценит.

– Поймут, поймут, Яков Самуилович, – толстячок захихикал. – Может, кто и с опозданием. Но это уж их дело. А я шучу. Я, так сказать, про императора-то в качестве аллегории.

– Я им устр-рою аллегор-рию.

– А вон и встречающие. Похоже, сам Ахапкин. Я его уже подзабыл. Виделись один раз, при его назначении. Забегал ко мне в кабинет. Знакомился… Да, да. Он. Сам прикатил.

– Тепер-рь познакомимся ближе…

– Вы не спешите, Яков Самуилович, они сейчас сами поспеют. Там и наш человечек, гляжу.

Обух-Ветрянский стащил с головы фуражку, упёрся лбом в мутное стекло, разглядывая встречающих:

– Там, там. Сейчас будут. Вы не спешите.

Поезд, заскрежетав колёсами, прихваченными резким тормозом, остановился. В пустом коридоре вагона застучали, заторопились сапоги.

– Здравия желаю, товарищи офицеры! – полковник Ахапкин, сияя улыбкой и погонами, при полном параде вскинул руку к окольышку. – С приездом, товарищ подполковник!

Шнейдер сухо откозырял в ответ, а из-под руки Ахапкина уже проскользнул Квасницкий, подхватил чемодан и сумку приехавших и также мигом нырнул за спину Ахапкина, загремел сапожищами на выход.

– Как доехали?

— Тер-рпимо, — Шнейдер пригладил волосы на голове, проверил пальчиком струнку усов. — К вам ещё не добр-рались наши мор-розы? Гляжу, у вас осень в р-разгар-ре.

— Бабье лето, бабье лето, — пропуская вперёд подполковника, Ахапкин заулыбался как старому знакомому толстячу. — Ваше самочувствие, Еремей Тимофеевич?

— Живы, живы, — кивал тот. — Наши ребята там ещё, сзади в купе.

— Их ждут, не беспокойтесь.

— Ну и ладненько.

— Как? — Ахапкин всё же улучил момент и совсем приник лицом к лицу Обух-Ветрянского, на Шнейдера незаметно покосился.

— Так я же говорю, доехали благополучно, — не поддавался тот, нейтрально ухмыльнувшись.

— Вы нас куда опр-ределили? — Шнейдер, спустившись с последней ступеньки лестницы, фуражку снял, опять за усы принялся. — Нам бы с Ер-ремеем Тимофеевичем вместе.

— А у меня, — Ахапкин даже расцвёл. — Хоромы! Мы с дочкой вдвоём. И кухня домашняя. И, так сказать, четыре комнаты. Я вам две отведу. Мы будем счастливы с Натальей. Она уже ждёт.

— Как?

— Ко мне. А чего по гостиницам?

— Номер вот, — откуда-то выскочил Квасницкий, сверкнул очками на Обух-Ветрянского. — На всякий случай заказан. Полный комфорт.

— Но это запасной вариант, товарищ подполковник? — развёл руки Ахапкин. — Не обижайте.

— Как, Ер-ремей Тимофеевич? — Шнейдер огляделся, достал портсигар, затянулся «герцеговиной».

— Ну чего ж нам хозяев стеснять, — толстячок засуетился, поискав глазами свою сумку.

— В машине! — коротко доложил подскочивший к нему Квасницкий.

— Тем более там молодая прелестная девушка, — толстячок мило улыбнулся. — И мы в сапогах. Да со своими проблемами.

— Вот, — отставил мизинчик в сторону Шнейдер. — Р-резонно подмечено. Нет нужды загр-ружать дамочку. Давайте-ка в гостиницу.

— А в обком не зайдёте? — Ахапкин помрачнел.

— Всему своё вр-ремя. Всему. — Шнейдер слегка рукой взмахнул. — Машины далеко?

— Да у нас тут всё рядом, — бросился вперёд указывать путь Квасницкий.

XIII

Всю дорогу до гостиницы Шнейдер молчал, сосредоточенно дымя «герцеговиной» и изредка косо поглядывал на неумолкавшего Ахапкина. Тот расписывал местные достопримечательности, узнав, что подполковник никогда не бывал в низовьях Волги.

— Вы р-разве не местный? — словно вороном прокаркав, спросил вдруг Шнейдер, и Ахапкин вздрогнул.

— Нет. Я из-за Урала.

— Сибир-ряк?

— Из Томска. Я в Чека ещё с Яковом Михайловичем Юровским начинал в Екатеринбурге.

— С Юр-ровским? — Шнейдер впервые с интересом глянул на полковника.

В машине они были вдвоём, шофёр с глухонемым видом гнал автомобиль.

— Это котор-ый под великую чистку попал?.. Котор-ого Ежов шлётпнул как вр-рага нар-рода?

– Ежов за свои «ножницы» вредительские сам головой поплатился, – будто допытываясь до чего-то своего, потянулся Ахапкин к проверяющему. – И за предательство своё хлеб-нул сполна.

Шнейдер не ответил, скривился, словно от зубной боли.

– А Василий Васильевич как там поживает в столицах?

– Василий Васильевич?

– Чернышов.

Шнейдер пожал плечами.

– Ну как же! Мы с Василием Васильевичем до самого августа тридцать седьмого на Дальнем Востоке трубили, пока он в Москву не укатил.

– Это тот, что в Министерстве внутренних дел... – рассеянно вспомнил Шнейдер. – Р-разные задачи... знаете ли.

– Ну как же! – Ахапкин и руками всплеснул. – Одно же дело делаем! Я ему позваниваю.

Шнейдеру эти слова явно не доставили удовольствия, наоборот, он словно поперхнулся, однако изобразил на лице кислую улыбку.

– А я вот здесь, – продолжал, не умолкая, Ахапкин. – Знаете, как-то прижился. Эти места чем-то схожи с дальневосточными. Там, в Хабаровске, лотос цветёт, и у нас эта радость имеется. Прижились мы с дочкой, но тянет туда... – Он неопределённо махнул рукой, впервые его лицо поскучнело. – У нас южный форпост... Тихо, знаете ли...

Долго подыскивал подходящее слово и всё же повторил:

– Тихо...

Шнейдер оживился, бросил косой взгляд на загрустившего полковника, мол, чего сидишь тогда в этой дыре при таких-то друзьях?

– Да, да! – поймал его взгляд Ахапкин. – А я вот здесь. Дочь взрослая. Ей определяться самое время, так что со столицей пока погодим.

«Пустозвонит мне специально этот гусь? – ломал голову Шнейдер. – Что это он своими связями кичится? И дочку будто предлагает, расписывает... На его месте другие вопросы бы задавать, другим интересоваться... Хитрит что-то! Затевает какую интригу?..»

А вслух отчеканил:

– Я бы хотел, чтобы машина пр-ри мне была. И собер-рите сейчас личный состав. Только р-руководство и стар-рших офицер-ров.

– Есть!

– Мне понадобятся р-родственники этого?..

– Подымайко?

– Обнар-руженнного повешенным.

– Майор Подымайко был одинок.

– И эти?.. Кто его нашёл пер-рвым.

– Может, завтра?

– Что такое?

– В больнице капитан Минин. Он его и обнаружил.

– Что случилось?

– Да ничего серьёзного. Сердце прихватило на работе.

– Это что же у вас такое, товар-рищ полковник? – Шнейдер надвинул брови. – Большой контингент?

– Случай. Никогда не жаловался.

– Нехор-рошо получается... Это, значит, тот, котор-рый нашёл тр-руп, тепер-рь едва не умер-р?

– Ну что вы! Это к делу не относится. Нервишки. Сердце прихватило. Он допросы всю ночь вёл.

– Р-разберёмся.
– Товарищ подполковник!..
– И оставьте пр-ри мне офицер-ра для пор-ручений. Посообр-разительней. Я, знаете ли, не любитель этих... телефонных пер-реговор-ров.
– Лейтенант Квасницкий, если не возражаете.
– Это который встр-речал?
– Да. Он на вокзале был со мной. Сейчас во второй машине с майором Обух-Ветрянским.
– Хор-рошо...

Больше Шнейдер, как ни пытался разговорить его Ахапкин, в беседы не вступал, лишь хмуро кивал или, наоборот, отмахивался головой, а то и вовсе оставлял вопросы полковника без ответов, будто не слышал.

XIV

На пятые сутки к самому концу недели Минин был выписан на домашний режим. Из больницы его вёз на служебном «козлике» Жмотов, озабоченно донимая оперуполномоченного расспросами о здоровье.

– Мне теперь всё нипочём! – усмехался ещё бледными губами Минин. – Фёдорыч успокоил, что до разрыва сердца далеко, а остальное не страшно. Вот только с куревом капец.
– А это дело? – щёлкнул себе пальцем по шее Жмотов.
– Допустимо. Но с ограничением.
– Не через край?
– Угу. А ты чего это за мной на машине прикатил? Как за генералом? Откуда такой почёт?

Жмотов в сторону глянул, сплюнул.

– Я бы и сам до дома дотопал. Мне тут идти – коту прогуляться.

– Шнейдер распорядился.

– Это кто такой?

– Ты же ничего не знаешь. Это главный. Из проверяющих.

И Жмотов усердно задымил папирской.

– Приехали?

– Давно. Мы уже взмокли.

– Это что же?

Жмотов пожал плечами.

– А Лев Исаевич?

– На месте Ахапкин. Сидит... – Жмотов смолк, будто язык прикусил.

– Чего?

– Да я это... – понимая, что и так сболтнул лишнего, Жмотов весь скривился. – Им с тобой встретиться надо.

– Встретиться?

– Ну.

– Кому это им?

– Обух-Ветрянский. Особист. Он проверкой занимается.

– Та-а-ак...

– А в больнице несподручно.

– Вона что... – Минин, раздумывая, брови вскинул и губы поджал. – А я маракую, что это Фёдорыча пробрало? Я его долбил, долбил, как дятел, всё выписать просился, у

меня птица дома от голода пропадает, а он ни в какую. А сегодня – в пять минут оформил, собирает, чуть ли ни бегом и в три шеи меня! Понадобился, выходит?

– У них это быстро.

– Ты не хитри, Прохор. Ещё что сказать можешь?

– Да мне откуда знать, Степаныч? Мне поручено – взять и доставить. Вот и исполняю.

Минин не спускал с лейтенанта настороженных глаз. Тот не выдержал, голову нагнул, в ногах высматривать что-то начал, но долго не смог, взорвался:

– У нас там такой бедлам!.. Ни у кого слова не вытянуть. Друг на друга косятся. Игорька не вижу вторые сутки, он при этом... Обухе-Ветрянском и днют, и ночует. То забегал, а теперь ни ногой.

– Прищучили, выходит, вас...

– Не то чтобы...

– Ладно. Не велено, значит, не велено. А ты знаешь!.. Я сам сейчас туда заявлюсь. Чего мне? Раз нужен. А ну-ка разворачивай!

– Нет уж, Степаныч, – перепугался Жмотов и за ручку дверцы ухватился: не выскочил бы оперуполномоченный из машины на ходу.

– Это что же? Арест?

Они уставились друг на друга.

– Ну ты скажешь, Степаныч, – растерялся Жмотов и смутился. – Чего это тебе в голову взбрело? Чего мелешь? Какой ещё арест?.. Приказано.

Минин только зубами скрипнул.

– Я же тебе сказал, Степаныч. Шнейдеру стол поставили в кабинете начальника. Ахапкин как в гости на работу приходит. А у Баклея этот... Обух-Ветрянский безвылазно. Сотрудников по одному вызывают и с утра до вечера гоняют. Чего выпытывают?.. Я впервые в такую проверку угодил.

– Самого вытаскивали?

– Нет ещё.

– Чего ж они ищут?

– А кто их знает! Игорька бы спросить. Но он без продыху с особыстом тем.

– Значит, Игорёк твой при деле оказался?

– Чего это ты, Степаныч?

– А ты смекни сам...

– Да нет. Не может быть такого!

– Ладно. Не ломай башку.

– Нет. Чтобы Игорёк!..

– Вот и я думаю. Это не тридцать седьмой год.

– Ты что, Степаныч!

– Поглядим...

Больше они не проронили ни слова. Минин будто онемел, и за стеклом автомобиля на улицах его ничего не интересовало, а Жмотов подавленно бросал на него косые взгляды. Отпустив машину, они также молча зашли в дом. Всё забыв, Минин бросился к клетке с попугаем. Птица шарахнулась от него в угол, присмотревшись, осмелела, клюнула несколько раз в руку, когда он воду начал менять.

– Кусай, кусай, – приговаривал оперуполномоченный, улыбаясь доверительно, извиваясь и спиной закрывая птицу от Жмотова. – Так и надо такому хозяину непутёвому. Завёл птицу для мучений.

– Пр-р-ровокатор-р-р! – отругала его птица.

– Что это он у тебя? Разговаривает? – Жмотов тоже к клетке подсел.

– Ты чужой. Отойди в сторону, – зашипел на него Минин. – Не пужай птицу. Она ко мне ещё не привыкла.

– Ого! Посмотрите на него! Какие мы!

– Пр-ровокатор-р-р! – заорала птица на чужого.

– Материт он тебя, – доложил Минин.

– Так уж материт?

– Это у него самое гадкое слово.

– И кто научил?

– Птица она сама всё понимает. Тем более попугай. Они, говорят, до триста лет живут. Этому вот и неизвестно сколько. Он со Степанычем мыкался, а до него со стариками – владельцами. А тех, от кого достался, – вовсе не ведомо. Может, ему уже лет сто пятьдесят. Он, может, с какого-нибудь острова Борнео самим этим… Круzenштерном на паруснике завезён. Он насквозь тебя видит! Со всеми твоими потрохами.

– Ты наговоришь, – хмыкнул недоверчиво Жмотов, но от клетки отшёл, на попугая покосился, примостился подальше на табуретке. – Откуда у этого безмозглого прозорливость такая? У него башка, во! С гулькин нос. Там кости одни, извилинам негде быть.

– Птица с ребёнком, с дитём схожа, – грустно улыбнулся Минин. – Она врать не научена, как мы с рождения, поэтому непосредственная, что видит перед собой, что слышит, что думает, на то и реагирует соответствующим образом. А попугай в особенности. Чуткая, чистая натура, он тебе в душу заползает, проникает в самую затаённую твою глушь. Отыскивает такое, о чём, может быть, ты и сам не догадываешься.

Жмотов и рот открыл, глазищами заморгал, не зная, верить оперуполномоченному, или издевается тот над ним, а Минин вполне серьёзно продолжал:

– Видишь, как он на тебя таращится неотрывно, голову склонив, будто доктор изучает. Заинтересовал ты его. А у них это без промаха: хороший человек – значит, доверие; дерньмо – дальше без интереса. И сволочных враз определяет. Ему, чтобы правду знать, не требуется, как тебе, к кулаку прибегать, раскалывать…

– Ишь ты! – Жмотов опять отодвинул табуретку от клетки. – Сам-то, Степаныч, не боишься, что тебя раскусит этот твой провидец? Сам-то давно определился, что хорошее, а что говнечом отдаёт?

Он с сомнением на капитана покосился и зло хохотнул:

– Во, философа я открыл! Ты, Степаныч, на себя не похож. Залечили тебя в больнице. Рассуждать стал… Мысли какие-то попёрли. Не замечал я раньше.

– Я сам себя открыл за эти несколько последних дней. Словно пелена с глаз спала.

– После того как отец Кондратий шарахнулся? – не унимался лейтенант.

– И это помогло. Знаешь, когда смерть за плечами почуешь, всё острее и видишь, и понимаешь.

– Вон оно как! – с интересом уставился Жмотов на оперуполномоченного. – И чего же ты почуял?

– Жизнь свою рассмотрел, только с другой стороны на неё взглянул. Поздно понять всё удалось. Но пробрало.

– Интересно, интересно…

– Раньше, может быть, я и не сказал бы тебе этого, Прохор, а теперь, когда ты за моей спиной следишь, самая пора пришла.

– Ну, ну…

– Ты вот всё про птицу калякаешь. Почему, мол, провокатор? А ведь не ты один голову над этим ломал. И мне, чего уж тут, невдомёк было. Я тоже Михеича пытал. А он отнекивался. Говорил, что рано, мол, не созрел я, чтобы доверять мне. А тут как-то намекнул. Я-то

сразу не допёк. Уж больно у него мудрёно получалось. А теперь вот и я учゅял. Нет, не юлил он предо мной. Правду открывал...

— Ты чего тумана-то напускаешь, Степаныч? — Жмотов насторожился весь, прямо в кулак сжался. — Ты чего вокруг да около шканьбаешь?

— Птица эта спать ему не давала, понимаешь...

— Чего уж тут! Орала небось по ночам. Когда ж уснёшь. Только в пьяном виде.

— Да ты погоди с выводами-то, — отмахнулся Минин, замолчал сам в затруднении. — Как бы тебе объяснить? Это предлог вроде для Степаныча, причина, что ли. Он не спал по ночам, а мысли-то разные в голову лезли, заставляли о себе, о жизни нашей, о людях размышлять, о делах теперешних...

— А чего ему думать? — дёрнулся Жмотов. — Что он жизнь зря прожил? Сам же говорил! Всю жизнь он воевал. Потом врагов народа душил. Что приказывали, то и исполнял. Мы же все, как он. Ты думаешь, я ночами дрыхаю?.. Тоже иногда в башке такое закрутится!.. Только водка и выручает.

— Вот! — Минин подскочил к Жмотову, в глаза ему заглянул. — Значит, понял меня, о чём я тебе долдоню. Не всегда всё гладко, что стелется. Не все они сволочи, которых мы к стенке ставим.

— Ты что, рехнулся, Степаныч? — вытаращил глаза Жмотов. — Это ты переборщил! Я тебе про одно, а ты про другое! Наше дело маленькое, мы — следователи.

— Ты себе хоть не ври! — сжал кулаки Минин и так глянул на лейтенанта, что тот от него отшатнулся. — Мы и решаем их судьбу. Они после твоих кулачищ суду уже готовыми достаются!

Оперуполномоченный смерил посеревшего лейтенанта ещё раз хмурым взглядом, но тот уже сжался весь, спрятал руки аж за спину.

— Пацанва-то та, из деревни, для Степаныча последней каплей, видать, и стала. Он мне рассказывал в тот день, перед смертью, что пробовал убедить Ахапкина. И так и эдак с ним. Мол, какие они контрики? Сопляки паршивые. Их пороть да пороть, конечно, но не за решётку на десять лет!.. Ну разве это пятьдесят восьмая статья! Разве эта пацанва враги народа? Ну скажи мне?..

— Степаныч, погоди...

— Чего молчишь? Сам-то соображаешь? Ты же рядом был, когда их допрашивали? Сам вопросы задавал...

— Погоди, погоди, Степаныч, — подозрительно отодвинулся Жмотов от капитана. — Это что же? Ты так рассуждаешь, будто это первое дело у тебя?

— Что?

— Учителей мы недавно заметили за испорченные учебники, забыл? Там же тоже, как ты говоришь, баловство сплошное! В картинках вождям усы и бороды подрисовали!.. Или другое дело, когда председатель колхоза под эту самую пятьдесят восьмую загремел за портрет, вырезанный ножницами!.. А старуха семидесятилетняя, которая по книжке Иосифа Виссарионовича гадала! А когда тот же Михеич полгода назад упратал в тюрьму заику, который не мог сразу выговорить имя маршала Ворошилова и называл его просто Вором?..

— Вот и дошло до него! — заорал Минин на Жмотова и весь затрясся. — Лазарев, этот мальчишка, поэт и поставил точку на прежнюю жизнь майора Подымайко. Не захотел Михеич больше чужие судьбы губить. Сам свой суд свершил. Только над собой.

— Ну это ты уж совсем загнул... — оторопел лейтенант.

— Думай, как хочешь. А я Степаныча понял. Письма только его предсмертного не нашёл. Должно оно быть. Не верю я, чтобы Степаныч мне последних слов не сказал. Бумажку-то ту, что при нём была, я враз отыскал. Но это для всех она. Стишки там глупые, на пацанов тех его намёк. Про птицу эту тоже, чтобы я её кормил да заботился. Чтоб клетку

чаще чистил... А я, старый дурень, можно сказать, только эту птицу и начал понимать, а чтоб чистить, совсем забыл...

Голос у капитана пропал, он добрёл до стенки, привалился, ссугуился.

– Свои, чужие... Куда тебя понесло, – поморщился Жмотов. – Так, знаешь, до чего договориться можно?

– Теперь уже поздно. По-другому мне теперь ни думать, ни говорить. Раз тебя приставили, мне и у них веры нет.

– Да разберутся, Степаныч! Чего ты заладил? Всех же таскает этот особист.

– Всех, да не всех. Мы с Подымайко, чую, у них поперёк горла. Мы оба из Смерша, а Абакумова они ещё с прошлого года в тюрьме держат. Вот и раскинь мозгами.

– Ахапкин доверял, не трогал, значит, и в этот раз отстоит.

– Не верю я Ахапкину. Раньше верил, а теперь нет. Был у меня с ним разговор. Он на Михеича таких собак спустил... Тошно слушать. Врагом его объявил за то, что тот за пацанву заступился.

– Опять ты туда...

– Да разве это враги!

– Ничего, посидят в лагерях, поймут, как с плакатиками бегать.

– Десять лет?

– Не расстрел же!

– А ты хотел, чтоб вышку?

– Заслужили. Ишь, распустились! Дожили, пацанва уже глотки разевать начала на советскую власть. Им эти глотки свинцом залить!

– И глаза выколоть, чтоб не зрели.

– Чего?

– Так я. Про себя, – махнул рукой Минин. – Рот закрыть, в уши песок, и на глаза всем нам повязки.

– Нет, не пойдёт, – ухмыльнулся Жмотов. – Всем не надо. Я, например, на свою Веру Павловну хочу смотреть. Как же мне?

– Ты про что?

– Есть у меня зазноба. Мне глаза нужны, – балагурил лейтенант. – Я с тобой вот валандаяюсь, а она там, моя княжна, уже волнуется небось. Ревнивая она у меня.

– Вера Павловна, ты сказал? – сощурился Минин и зло сплюнул. – Это не Нестор тебе её подсудобил?

– Он рекомендовал, – медленно произнёс Жмотов, а у самого даже горло перехватило, видно было невооружённым глазом, как взвился оперуполномоченный, услыхав это женское имя, как злорадствует весь, хоть бы чем досадить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.